

И. М. Кулишер

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Том 2

Новое время

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 338(075.8)
ББК 65я73
К90

Автор:

Кулишер Иосиф Михайлович (1878—1933) — экономист, профессор Петроградского университета.

Кулишер, И. М.

К90 История экономического быта западной Европы. В 2 т. Том 2. Новое время : учебник для вузов / И. М. Кулишер. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 495 с. — (Серия : Авторский учебник).

ISBN 978-5-534-09613-2 (т. 2)

ISBN 978-5-534-09612-5

Предлагаемая книга является репринтным изданием работы И. М. Кулишера «История экономического быта Западной Европы» (т. 1 – издание 1931 г.; т. 2 – издание 1926 г.). Автор на основе обширного фактического материала проследил эволюцию различных сторон экономической жизни стран Европейского континента с раннего Средневековья до середины XIX века. Экономическое развитие Западной Европы рассматривается как единый процесс, хотя автор уделяет большое внимание и отдельным странам. В книге рассматриваются вопросы численности населения, структуры потребления, все стороны повседневной жизни представителей различных сословий, городских и сельских жителей, а также изменение их взглядов, традиций и психологии в сфере хозяйственной деятельности. Переведена на немецкий, португальский, итальянский, польский, сербско-хорватский и японский языки. Первый том охватывает период Средневековья, второй том – Новое время.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям, и всех интересующихся историей экономического развития Западной Европы.

УДК 338(075.8)

ББК 65я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-09613-2 (т. 2)

ISBN 978-5-534-09612-5

© Оформление. ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Отдел третий НОВОЕ ВРЕМЯ

(От открытия Америки до Французской революции).....	5
I. Население — общий характер потребления	8
II. Сельское хозяйство и аграрный строй	38
Глава I. Оживление в области сельского хозяйства; общий характер аграрных условий	44
Глава II. Аграрный строй в Англии	61
Глава III. Аграрный строй во Франции	70
Глава IV. Аграрный строй в Германии	86
III. Формы промышленности и рабочий класс	94
Глава I. Общий характер промышленной политики.....	100
Глава II. Кустарная или домашняя промышленность	110
Глава III. Ремесло.....	128
Глава IV. Мануфактуры	135
Глава V. Развитие важнейших отраслей промышленности.....	153
Глава VI. Положение рабочих	170
IV. Торговля	180
Глава I. Общий характер торговли и торговой политики; Испания и Португалия, Нидерланды, Франция.....	184
Глава II. Торговая политика Англии	201
Глава III. Старые и новые торговые центры	211
Глава IV. Объекты торговли	237
Глава V. Специализация в области торговли. Формы внутренней торговли	251
Глава VI. Торговые компании; биржа и биржевая спекуляция	278
V. Денежное обращение, кредит, пути и средства сообщения.....	305
Глава I. Денежное обращение и цены	307
Глава II. Кредит и банки.....	320
Глава III. Пути и средства сообщения	343
VI. Капитал	368

Отдел четвертый ПЕРЕХОД К XIX ВЕКУ	381
---	------------

Отдел пятый
НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.....397

Глава I. Население	404
Глава II. Аграрный строй.....	407
Глава III. Промышленность. Свобода промыслов	423
Глава IV. Появление машин и фабрик в Англии. Фабричный рабочий	427
Глава V. Фабричное производство и рабочий класс на континенте Европы	450
Глава VI. Торговая политика	458
Глава VII. Пути и средства сообщения	467
Глава VIII. Денежное обращение, вредит и банки	477
Новые издания по дисциплине «Экономическая история» и смежным дисциплинам	492

Отдел третий

НОВОЕ ВРЕМЯ

(От открытия Америки до Французской революции)

Период XVI—XVIII вв. характеризуется, прежде всего, объединением городов (с прилежащими селами) в более крупные территориальные единицы, охватывающие более или менее значительные части страны, а затем — целые государства. В связи с этим находится возникновение внутренней торговли не только немногими предметами сырья, как в средние века, но и различными промышленными изделиями, возникновение междугородского обмена на протяжении всей объединенной в хозяйственном отношении территории. Нарождается промышленность, которая производит не для местного только, а для более обширного рынка, постепенно совпадающего с пределами государства. А, вместе с тем, та политика исключительности, которая составляет отличительную черту средневекового города, переходит теперь на эти более крупные территориальные единицы. Создавая национальную промышленность, содействуя развитию внутренней торговли, государство вместе с тем — подобно городу в средние века — замыкается в своих границах, не допускает привоза иностранных (как прежде иногородних) продуктов или, по крайней мере, сильно стесняет его.

Государство идет за пределы своей территории и стремится к развитию не только внутренней, но и внешней торговли, к приобретению колоний и исключительного права торговли с другими странами; оно вытесняет оттуда купцов иных наций, тормозит всеми силами развитие торговли и судоходства других народов. И это также не более как продолжение прежней политики городов, перенесение ее лишь на более широкую, национальную почву. Однако, разница заключается не только в этом, но еще более в том, что в средние века такую политику развивали лишь немногие отдельные города, — именно, торговые центры, — тогда как все остальные города не стремились к развитию своей торговли. Теперь же стремление к торговому преобладанию, борьба из-за торговой монополии является всеобщей; все страны придерживаются не только промышленной, но и торговой политики в тесном смысле этого слова, т. е. в смысле содействия развитию собственной внешней торговли, хотя и не все достигают одинаковых успехов в этом направлении.

Наконец, такой же характер приобретает политика в области сельского хозяйства и землевладения. Мероприятия отдельных феодалов в их поместьях заменяются постепенно все более и более обширными государственными постановлениями в области аграрного строя, поместной организации и крестьянских повинностей, землевладения и землепользования. И в то же время покровительство сельскому хозяйству, — в виде содействия распространению новых культур и улучшенных пород скота, расширению площади посевов и введению более рационального хозяйства, — становится важным пунктом программы государственной политики.

Термины: национальное хозяйство и национальная политика, следовательно, наиболее правильно выражают характерные черты периода XVI—XVIII вв. Экономическая политика этой эпохи имеет в виду интересы страны, как целого, в противоположность интересам отдельных городов и местностей; она осуществляется государством; она выражается в создании рынка, охватывающего постепенно всю государственную территорию; она заключается в ряде мероприятий, относящихся к аграрному строю и сельскому хозяйству, промышленности, торговле внутренней и внешней, путям и средствам сообщения — на протяжении всей страны или, по крайней мере, значительных частей ее.

Название меркантилизма или меркантильной системы, которым характеризуют нередко хозяйственный строй этого периода, имеет в виду преимущественно именно эти государственные мероприятия или государственную регламентацию в области различных отраслей хозяйства, которая должна создать национальную торговлю и промышленность, развитое сельское хозяйство, улучшенные пути сообщения, единую монету, меры и весы и многое другое. Так мы понимаем в настоящее время слово «меркантилизм»; прежнее представление, согласно которому меркантилизм заключался в стремлении к при-

влечению возможно большего количества звонкой монеты в страну, в настоящее время уже оставлено. Но и правильно понимаемый термин «меркантилизм» все же выражает лишь одну сторону хозяйственной политики, упуская из виду второй момент — действительность, самый характер хозяйства, замену городского хозяйства национальным.

С иной точки зрения рассматривает экономическое развитие XVI—XVIII вв. Маркс, называя этот период эпохой раннего капитализма, или первоначального накопления, в отличие от последующей эпохи развитого капитализма, или капиталистического накопления. Обозначая этим термином факт развития промышленности, работающей для более обширного рынка, он в особенности подчеркивает социальный момент: отделение средств производства от труда вследствие появления особого класса капиталистов-предпринимателей, с одной стороны, и класса рабочих, с другой стороны, и возникновение, в связи с образованием широкого рынка, крупного капитала как фонда, доставляющего прибавочную ценность или прибыль.

Бюхер называет период XVI—XVIII вв. периодом народного хозяйства, где предметы проходят через целый ряд хозяйств, прежде чем они от производителя доходят до потребителя. Хотя он и имеет в виду национальный характер хозяйственного строя и экономической политики, но объединяет под этим термином не только рассматриваемый период, но и всю эпоху от XVI в. до настоящего времени. Между тем, от периода национального или народного хозяйства XVI—XVIII вв. следует отличать следующую эпоху международного или мирового хозяйства, когда экономическая жизнь выходит за пределы отдельных государств или наций.

Зомбарт противопоставляет капиталистическому и ремесленному периоду (средневековому) период (или систему) капитализма, когда выдвигаются две различные группы населения: владельцы средств производства, которые являются в то же время руководителями процесса производства, и лишенные имущества рабочие; когда хозяйственная деятельность характеризуется стремлением к наживе и принципом рационализма (планомерности, целесообразности, расчетливости). Эти последние два момента Зомбарт выдвигает на первый план, период XVI—XVIII вв. он называет периодом раннего капитализма, когда характерные черты последнего лишь постепенно обнаруживаются, и капитализм лишь мало-по-малу освобождается от свойств предыдущей эпохи, встречая еще много препятствий на своем пути. Однако, с одной стороны, стремление к наживе существует уже в предыдущие эпохи, — оно имело место и в средние века, с той только разницей, что это была нажива, главным образом, в целях потребления, а не в видах накопления капитала (см. в I томе нашей книги), как впоследствии, в особенности с XVIII в.; с другой стороны, рационализм в хозяйстве хотя и появляется уже в XVII и в особенности в XVIII в., но лишь в зачатках (см. ниже, «переходный период»), и развивается лишь в XIX в. с наступлением эпохи свободной конкуренции.

I. НАСЕЛЕНИЕ — ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПОТРЕБЛЕНИЯ

Литература. Сочинения о населении этой эпохи вообще. Süssmilch. Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts etc. 1742. 4 изд. Baumann'a. 1775. Moheau. Recherches et considérations sur la population de la France. 1778. (Collection des Economistes etc.). Dieterici. Ueber die Vermehrung der Bevölkerung in Europa seit der Mitte des 17. Jahrh. 1850. (Abhandl. der Preuss. Akad. d. Wissensch.). L'asseur. La population française. Histoire de la population avant 1789. T. I. 1889, p. 188—288. T. II. 1891. L. I. II, passim, особ. p. 286 и сл. Inama-Sternegg. Die Quellen der hist. Bevölkerungsstatistik. (Statist. Monatsschrift. XII). Его же. Bevölkerungswesen. Handwört. der Staatswiss. II.

Сочинения, касающиеся отдельных местностей. Mallet. Recherches historiques et statistiques sur la population de Genève (1549—1833). 1837. (Annales d'hygiène publ. XVIII). Beloch. La popolazione d'Italia nei secoli 16, 17, 18 (Bull. de l'Institut. Intern. de Statist. 1888). Его же. Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig (от XV ст. до франц. революции). Jahrb. für Nationalökon. 1899. B. XVIII. Salvioli. La colonisazioni in Secilia nei secoli XVI—XVII (Vierteljahrsch. f. Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. I.). Daczynska. Zürichs Bevölkerung im 17. Jahrh. (Zeitschr. für Schweiz. Stat. 1889). Baudrillart. La population de la France au XVIII s. (Journ. des Economistes. 1885). Roller. Die Einwohnerschaft der Stadt Durlach in ihren wirtschaftlichen und kulturgeschichtlichen Verhältnissen. 1907. Eheberg. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15. Jahrh. (Jahrb. f. Nationalökon. N. F. B. VII. VIII). Gmelin. Bevölkerungsbewegung im Hallisch'en seit Mitte des XVI Jahrh. (Allgem. Statist. Archiv. B. VI. I. 1902). Helbok. Bevölkerung der Stadt Bregenz vom 14. bis zum Beginne des 18. Jahrh. 1912. Beyhoff. Stadt und Festung Giessen im Zeitalter des Dreissigjährigen Krieg. I. — 1915. Burchardt. Demographie und Epidemiologie der Stadt Basel während der letzten drei Jahrhunderte. 1908. Его же. Die Kinderzahl und jugendliche Sterblichkeit in früheren Jahrhunderten (Zeitschr. für schweizer. Statistik. 1907. B. 43). Hanauer. Der Gang der Sterblichkeit in Frankfurt a. M. vom Mittelalter bis zur Mitte des XIX Jahrh. (Soziale Medizin und Hygiene. B. II. 1907). Schmoller. Die preussische Einwanderung und ländliche Kolonisation des 17. und 18. Jahrh. (Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte). 1898. Weiss. Histoire des réfugiés protestants en France. 1885. Sundbärg. Bevölkerungsstatistik Schwedens 1750—1900. XIV. Intern. Kongress. f. Hygiene u. Demogr. 1907. Faust. Das

Deutschtum in den Vereinigten Staaten in seiner geschichtlichen Entwicklung. 1912. Roupnel. La ville et la campagne au XVII s.; études sur la population du pays dijonnais. 1922. Nicolai. La population de Bordeaux au XVIII s. 1909. Braesch. Essai de statistique de population ouvrière de Paris vers 1791 (Révolution Française. 1912. T. 62). Blanchard. Grenoble. Etude de géographie urbaine. 2 ed. 1914. Levainville. Etude d'une agglomération urbaine. (Rouen). 1913. Cahen. Recherches sur l'agglomération parisienne au XVIII s. 1922. Richard. La vie privée dans une province d'Ouest: Laval au XVII et XVIII s. 1922. Sée. Les classes sociales et la vie économique dans une ville de l'ancienne France (Rennes au XVIII s.) в сборн. La vie économique et les classes sociales en France au XVIII s. 1924. Его же. La vie économique et les classes sociales à Saint-Malo à la veille de la Révolution (Hayem. Mémoires et documents pour servir à l'hist. du comm. et de l'industrie. 9 sér. 1925).

Данные о населении рассматриваемого периода имеются также в следующих сочинениях: а) статистических сочинениях общего характера: Conrad. Statistik. T. I. (Grundriss zum Studium der polit. Oekon. IV). Rümelin. Statistik. (Schoenberg. Handbuch der polit. Oekon. B. I). John. Geschichte der Statistik. I. 1884, p. 161 и сл. Prinzing. Handbuch der medizinischen Statistik. 1906, особ. p. 525 и сл. Behre. Geschichte der Statistik in Brandenburg-Preussen, особ. p. 151—207 (население Пруссии XVII—XVIII вв.); б) в монографиях по истории промышленности, торговли и т. д. этого периода: Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. 1897, p. 394—430 (население Вюртемберга в XVII—XVIII вв.). Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. 1884, p. 111 и сл., 207 и сл. (население Фогтланда в конце XVIII в.). Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI. Jahrh. und ihr Verfall. 1888, p. 144 и сл. (население Испании в XVI—XVII вв.). Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution. 1906, p. 469—492. Brutaills. Economie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime, 1889. Ch. VI. Démographie. Rogers. Six Centuries of Work and Wages, гл. XII (население Англии в XVI—XVII вв.). Тойнби. Промышленный переворот в Англии в XVIII в., пер. под ред. А. И. Чупрова. 1897 (гл. о населении). Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. 1906, p. 346—376 (население Англии в XVIII в.), а также ук. в ч. I сочинения об эпидемиях Haeser'a, Sticker'a, Lersch'a (Gesch. der Volksseuchen. 1896). См. также мою ст.: Josef Kulischer. Ueber die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise um die Wende des XVIII und in der ersten Hälfte des XIX Jahrh. Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1906.

Относительно характера потребления в эту эпоху дает богатый материал замечательное сочинение Franklin. La vie privée d'autrefois. (Art et métiers, modes, moeurs, usages des Parisiens du XII au XVIII siede. D'après les documents originaux ou inédits). Paris. 1887—1895 (ряд томов), на котором основывается наше изложение. Кроме того, ценный труд: Alwin Schultz. Das häusliche Leben der europäischen Kulturvölker (vom Mittelalter bis zur zweiten Hälfte des XVIII Jahrh. 1903). Baudrillart. Histoire du luxe privé et public. 1880. T. III. IV. Sombart. Luxus und Kapitalismus. 1913.

Macaulay. The History of England from the accession of James the Second (Popular Edition. 1889. T. I, ch. 3-описание английской жизни в 1685 г.). Lallemand. Histoire de la charité. T. IV. 1910. Haendtke. Deutsche Kultur im Zeitalter des dreissigjährigen Kriegs. 1906. Höniger. Der dreissigjährige Krieg und die deutsche Kultur. Preuss. Jahrb. 1909.

* * *

Относительно численности населения в различных странах в рассматриваемый период имеется несколько больше сведений, чем о средневековой эпохе. Впрочем, еще в 1753 г. предложение произвести народную перепись было отвергнуто английским парламентом, ибо перепись «обнаружила бы врагам Англии ее слабость и обозначала бы полную гибель последних остатков английской свободы». Неужели же — восклицает один из членов парламента — найдется хоть одно человеческое существо, столь смелое и столь бесстыдное, чтобы сделать подобное предложение! При отсутствии достоверных цифр не удивительно, что делались самые противоречивые предположения относительно численности населения. Грегори Кинг утверждал в 1696 г., что население Англии удвоится — достигнет 11 млн. — в 2300 г., на самом же деле уже в 1906 г. насчитывалось 36,5 млн. Но он все же был оптимистом по сравнению с Прайсом (1773 г.) и многочисленными его сторонниками, находившими, что население Англии сокращается, что оно сократилось с конца XVII в. Все свидетельствует, наоборот, о том, что, в противоположность средневековому периоду, когда население Англии находилось в стационарном состоянии (Роджерс находит и в XIV в., и в XVI в. те же 2,5 млн.), с быстрым развитием ее хозяйственной жизни начался и значительный рост населения в XVII в. (по Роджерсу оно в течение XVII в. удвоилось), в особенности же в XVIII в. Как видно из вычислений Финлэона — на основании данных о крещениях и погребениях, — население возросло почти на миллион, или на 17 %, в течение первой половины XVIII в. и на 3 млн., или более 50 %, во второй половине века (5,1 млн. в 1700 г., 6 млн. в 1750 г. и 9,18 млн. в 1801 г.). При этом, под влиянием развития промышленности, изменилось распределение населения между отдельными частями страны (Тойнби): с 1700 по 1750 г. оно особенно возросло во вновь возникших центрах хлопчатобумажной (Ланкашир) и каменноугольной индустрии (Дюргем и Нортумберленд), а также в районах производства металлических и гончарных изделий (Стаффордшир, Уарвикшир).

И во Франции с XVII в. замечается рост населения; но религиозные преследования, войны и голода снова прервали его: в начале XVIII в. было всего 18 млн.; и лишь ко времени революции численность ее населения, по Левассёру, достигла 26 млн. В Пруссии политический и экономический подъем XVIII в. ярко выражается в численности населения — оно удвоилось в полвека, с 1688 до 1740 г.: в 1688 г. насчитывалось 1,11 млн., в 1715 г. 1,67 млн. и в 1740 г. 2,38 млн.; и снова

более чем удвоилось в царствование Фридриха Великого: в 1740 г. было 2,38 млн., в 1786 г. 5,63 млн. ¹

И в других местностях Германии, после сильного сокращения населения в эпоху Тридцатилетней войны — по Рюмелину, на половину, — замечается значительный рост населения, в особенности в Вюртемберге: оно в течение второй половины XVI в. почти удвоилось, хотя все же не достигло той цифры, которая существовала накануне Тридцатилетней войны; быстрый рост первого 30-летия XVIII в. сменился, по Трельтшу, затем более медленным темпом, но к концу XVIII в. оказалось 70 чел. на квадрат. километр вместо 40 за 100 лет до того. Наоборот, на Пиренейском полуострове население возрастает лишь в течение XVI в., — оно удваивается: 4,25 млн. насчитывалось в начале XVI в. и 8,4 млн. в конце этого века; это — эпоха хозяйственного роста Испании. В следующую эпоху, как видно из Геблера, население Испании обнаруживает уменьшение: в 1723 г. было 5,8 млн., или почти на 3 млн. менее, чем в 1594 г., — результат дурного управления страной, показатель застоя в экономической жизни. Для современной Италии Инама-Стернегг получает, на основании подсчетов, произведенных по отдельным (тогда независимым) областям (приходами велись реестры населения и делались подсчеты числа очагов), во второй половине XVI в. около 11 млн. и столько же в начале XVII в., — следовательно, застой в течение 1,5 века, и только затем возрастание до 17 млн. в 1800 г. В общем, в Европе в XVIII в. плотность населения сильно увеличилась. В 1700 г. Англия имела менее 36, Нидерланды несколько больше, и только Франция 45 жит. (Вюртемберг 40) на квадрат. километр; Дания и Шотландия — всего 15—16. Сто лет спустя, Англия и Нидерланды достигли 65, Вюртемберг 72 и даже Саксония 50 чел., а в Пруссии плотность населения, будучи абсолютно невелика (30 чел.), успела возрасти в 2—2,5 раза; в Богемии она также увеличилась с 27 до 58 чел. на квадрат. километр.

Общее количество населения увеличилось в Европе с 95 млн. в 1600 г. до 130 млн. в 1700 г. и до 188 млн. в 1800 г.; в Западной Европе оно составляло в 1800 г. 122 млн.

Изменилось и соотношение между городским и сельским населением. Артур Юнг утверждал, преувеличивая, что в цветущих странах, как Англия, половина населения живет в городах, во Франции же в городах проживает всего четвертая часть; по Лавуазье, Мого и Де-Помеллю, городское население Франции составляло также 1/3—1/4 всего населения. Во всяком случае, как видно из описаний Юнга, в Англии городская жизнь была гораздо более развита, чем в других странах. В Вюртемберге городское население не превышало одной четверти всего населения, в Гессене и Силезии — одной пятой; если в отдельных местностях Пруссии оно доходило до 40 %, то не столько вследствие роста городов, сколько по причине существования обширных пусто-порожных сельских местностей. Вообще, в Пруссии в 1748 г. 27,1 % жили в городах и столько же — 27,8 % — 40 лет спустя, в 1787 г. Англичанин Arbuthnot объясняет рост больших городов тремя причинами: наличием торговли, парламента и других «увеселений», в действитель-

¹ По Шмоллеру, население Германии равнялось в 1620 г. 15 млн., затем сильно сократилось и только в 1700 г. снова вернулось к этой цифре, в 1800 г. достигло 22—24 млн. См. также Werminghoff. Unsere Volkszahl in Vergangenheit und Gegenwart, 1917.

ности имея в виду один Лондон. О последнем Граунт в 1662 г. писал, что голова — Лондон — слишком велика и могущественна для туловища — Англии — и что население его возрастает втрое скорее, чем во всей остальной Англии. Лондон, по Грегори Кингу, имел полмиллиона населения; по утверждению Маколея, — в 17 раз более, чем Бристоль или Норвич. В конце XVIII в. он сосредоточивал, по Эдену — 1/10, по Юнгу — 1/5 населения Англии. Из прочих городов всего несколько имело 10 тыс. жителей.¹ Сто лет спустя, т. е. еще в эпоху, предшествующую появлению машин, промышленные центры — Манчестер, Бирмингем, Шефилд, Ливерпуль — превратились из небольших городов с 4—5-тысячным населением в города с 20—40 тыс. жителей; Бристоль имел даже 100 тыс. жителей. Однако, большими городами они и другие поселения (Лидс, Галифакс, Норвич) стали лишь к концу XVIII в., когда прядильная машина и фабрика стали привлекать тысячи населения из окрестных сел.

Во Франции накануне революции насчитывалось около 80 городов с числом жителей свыше 10 тыс. (сто лет спустя 255 городов), сосредоточивавших около 2 млн. населения (сто лет спустя 3,5 млн.), среди них на первом плане Париж с 600 тыс. и Лион с 135 тыс.² Вена, Рим и Амстердам также имели в XVIII в. 150—200 тыс., несколько меньше Венеция и Милан. В Ренне находим всего 30 тыс., в Дижоне и Гренобле не более 20 тыс., в Бордо в 1770 г. 75 тыс., в 1790 г. 110 тыс.³ Если для Палермо вычисляют вдвое большую цифру, то это, несомненно, преувеличено. Берлин же насчитывал еще в середине XVII в. менее 10 тыс. населения, и лишь сто лет спустя оно достигло 100 тыс.

В отношении движения населения при сравнении периода XVII—XVIII вв. с XIX в. получается значительная разница: и брачность, и рождаемость, и смертность были, повидимому, гораздо выше в рассматриваемую эпоху, чем в XIX в.

Брачность была в XVIII в., повидимому, более значительна, чем в первой половине XIX в. и, особенно, в конце XIX в. Она составляла на тысячу жителей: во Франции во второй половине XVIII в. 8,8 (в Руссильоне 9) вместо 7,9 во второй половине XIX в.; в Швеции 8,9 в 1771—1780 гг. вместо 6,0 в 1896—1900 гг.; в Ольденбурге 10,0 в 1760—1769 гг. вместо 8,2 в 1891—1909 гг.; в Пруссии в эпоху Фридриха Великого и Зюсмильха 10,2 в 20 курмаркских городах и 9,2 в 1056 курмаркских селах, тогда как в 1867—1886 гг. (в Пруссии вообще) 9,2 в городах и 8 в селах, и в 1896—1900 гг. 8,4.

Более значительна была и рождаемость. Во Франции во второй половине XVIII в. она равнялась на 1000 населения 37—39 (в Руссильоне 42), тогда как в 1841—1850 гг. 27,4, а в 1896—1900 гг. 22,0; на один брак приходилось во второй половине XVIII в. 4—4,5 рождений вместо 3 в конце XIX в. В Швеции на 1000 населения рождалось в 1750—1760 гг. 36,2, в 1841—1850 гг. 31,1, а в 1896—1900 гг. 26,9; в Ольденбурге

¹ Pepys, посетивший Бристоль в 1668 г., был поражен тем, что в этом городе, куда ни помотришь, ничего, кроме домов, не видно; в других городах, кроме Лондона, он везде находил поля и леса внутри города.

² Necker. Administration des finances. T. I, p. 228 сл.

³ Sée. Uneville de l'ancienne France (La vie éconóm. etc., p. 122). Nicolai. Essai statist., p. 119. Blanchard. Grénoble. 2 éd. 1914. Cp. Roupnel. La ville et la campagne. 1922.

в 1760—1769 гг. 36,6; в 1841—1850 гг. 30,5; в 1891—1900 гг. 35,2. Для Пруссии имеем следующие цифры: по Кроне и Трельтшу, в государстве вообще в 1784—1788 гг. 40, тогда как в 1896—1900 гг. 30,1; в Курмарке, по Зюсмилху, 33,5 в селах и 36 в городах (Курмарки), с исправлением Вернике — 40,5 и 41—42; в герцогстве Магдебургском 34,6 в 1783—1789 гг. и 39 в 1752—1756 гг. Почти та же цифра, как для Пруссии, получается для Вюртемберга во второй половине XVIII в. (1715—1755: 39,6; 1757—1761: 41; 1780—1786: 42—42,5; 1794—1799: 41,2), тогда как в 1887—1891 гг. 33,9 (в 1879—1888 гг. 38,7). Зюсмилх устанавливает рождаемость в размере 4 детей на один брак, что подтверждается вычислениями Бере (для Пруссии вообще в 1688—1756 гг. 3,9, в 1757—1805 гг. 4,6); в Фойхтланде (Саксонии) в 1777—1796 гг. 4,6, в городах в 1782—1791 всего 3,15—3,45 (Bein, Tab. VI). Изучив историю одного базельского рода в составе 1500 человек за 1550—1875 гг., Альбрехт Буркгардт получил, что родившихся живыми приходилось на один брак в XVI в. 9,6, в XVII в. 5,9, в XVIII в. 4,7 и в XIX в. 3,7, и далее, что в XVI в. не было бездетных браков, в XVII в. бездетные браки составляли 9 %, а в XVIII в. 4 % всех браков, тогда как в XIX в. они равнялись 16 %¹

Еще более значительный контраст получается в отношении смертности; последняя равнялась во Франции при Людовике XVI 30—33 на 1000 населения (в 1841—1858 гг. 23,3, в 1896—1900 гг. 20,7); в Швеции в 1751—1770 гг. 28,8 (мужчин) и 26,5 (женщин), в 1841—1860 гг. 21,7 и 20,1 и в 1891—1898 гг. 16,1 и 15,9; в Ольденбурге в 1760—1769 гг. 29,7, в 1841—1860 гг. 22,6 и в 1891—1900 гг. 20,5. Зюсмилх вычислил смертность (в нормальные годы) в больших городах в 40 на тысячу населения, в городах вообще в 33, в сельских местностях в 26, в стране вообще в 28. Цифры эти слишком благоприятны. Бере получил для Пруссии 33,3 (1748—1755 гг.) и 29,2 (1765—1786 гг.), тогда как в 1891—1900 гг. смертность не превышала 24,6 (в 1841—1850 гг., впрочем, 29,1). В Вюртемберге смертность составляла 31,7 в 1749—1755 гг., 36,8 в 1757—1761 гг., 26,3—28,0 в 1780—1785 гг. и 34,6 в 1794—1799 гг. вместо 29,3 в 1874—1883 гг. и 24,2 в 1884—1893 гг.

В городах находим следующие цифры смертности на тысячу населения.²

В Лондоне		В Париже		В Женеве		В Берлине	
(без мертворожденных)				(вместе с мертворожденными)			
1620—1643	70,0	1750—1759	34,5	1551—1600	39,7	1721—1730	40,6
1728—1757	52,0	1780—1789	33,3	1601—1650	37,1	1731—1740	44,7
1800—1810	29,0	1892—1901	20,8	1651—1700	35,9	1741—1750	37,9
1891—1900	19,1			1701—1750	33,5	1751—1760	40,5
				1751—1890	29,5	1761—1770	37,4
				1851—1890	24,8	1771—1780	40,1
						1781—1790	35,6
						1791—1800	34,6
						1891—1900	20,3
Во Франкфурте-на-Майне		В Базеле					
1561—1600	51	1601—1670	33,6				
1600—1650	68	1611—1740	21,9				
1651—1700	45	1741—1800	24,3				
1700—1800	34	1860—1900	19,6				
1891—1900	17						

Высокий коэффициент смертности должен был наиболее отразиться на смертности детей Действительно, она была несравненно выше, чем в настоящее время.

¹ Burkhardt. Zeitschr. für Schweiz. Statistik. 1907. II. 8.

² Prinzing. Handb. der mediz. Stat., p. 529. Mallet, p. 51. Levasseur. II, p. 395.

Детей рождалось много, но 1/3—1/5 их не выживала и одного года. Так, в Лейпциге умирало в первом году из тысячи родившихся 355; в Пруссии, по Зюсмилху, 250; в Швеции 205; в Бреславле, по Галлею, 295; в Женеве 260 в XVI в., 237 в XVII в. и 202 в XVIII в.; тогда как теперь умирает не более 1/5—1/10 (в Швеции 102, в Пруссии ок. 200). До десяти лет доживала всего половина населения (во Франции, по Дюпре-де-Сен-Мору, 490, по Дювиллару, 551; Галлей определяет в 495, Бауман в 532, Варгентин в 611), теперь доживает 3/4 населения. По вычислениям Буркгардта, в Базеле в XVII и XVIII в. до 15 лет доживало 68 и 65 %, тогда как в XIX в. — 82 %

Неккер указывал на то, что четверть всего населения умирает ранее трех лет, другая четверть — до 25 лет и третья четверть — не дожив до 50 лет. Это подтверждается вычислениями Дювиллара и других статистиков, составивших таблицы смертности. Через столетия вымирало в XVIII в. 3/4 данного поколения. По Дюпре-де-Сен-Мору, до 50 лет доживало из 1000 чел. 242, по Прейсу — 286, по Дювиллару — 297, по Варгентину — 385, до 25 лет доживало 419—482, по Бауману, Зюсмилху, Галлею, Дюпре, Прайсу, Дювиллару, по Керсебому — 550; теперь же черен 50 лет остается еще половина. Средняя продолжительность жизни не превышала (во Франции) 25—27 лет, достигая в настоящее время (там же) 40 и более.

Если взять продолжительные периоды и страну в целом, то получится, что рождаемость превышала смертность — напр., в Пруссии — на 30 % (и в 1688—1766 гг. и в 1757—1805 гг. на 100 умерших — 130 рождающихся); в саксонском Фойхтланде — на 28—50 % (в 1782—1791 гг.); во Франции же — всего на 8,5 % (1086 рождений — 1000 смертей). Но в отдельных местностях (во Франции: Бретань, Орлеан, Руссильон, Бургундия, Нормандия), в особенности в городах, где в настоящее время смертность особенно низка, она, наоборот, была выше рождаемости. Поэтому и Галлей, и Бауман, и другие статистики того времени находили, что действительную прибыль населения надо искать в деревнях, большие же города только питаются приливом оттуда. Граунт, по данным XVII в., указывает на то, что в лондонских списках число умерших превышает число крещений, и все же население его непрерывно растет, — доказательство притока из других мест. По Зюсмилху, в XVIII в. в Берлине, Дрездене, Аугсбурге на 100 умерших приходилось 96—85 родившихся, в Вене и Риме всего 80, в Зальцбурге даже 78. На основании новейших вычислений Буркгардта, Ганауера и других, смертность во Франкфурте-на-Майне в течение всего периода с половины XVI до конца XVIII в. всегда (за исключением четырех десятилетий) превышает рождаемость. В Базеле, где смертность была особенно низка, в 1600—1740 гг. умерших было меньше, чем родившихся, но в 1740—1800 гг. и здесь число смертей больше числа рождений.¹ В Бордо в период 1741—1783 гг. в течение 27 лет рождаемость превышала смертность, тогда как за другие 16 лет наблюдалось противоположное явление.²

¹ Burchhardt. Demographie und Epidemiologie der Stadt Basel 1601—1900. Hanauer. Der Gang der Sterblichkeit in Frankfurt a. M. (Soz. Medizin und Hygiene. 1907. B. II).

² Nicolai. Essai statistique sur le clergé etc. et le mouvement de la population de Bordeaux. 1909, p. 118.

Это прямо вытекало из санитарных условий того времени: грязны были и люди, и дома, и улицы. К комнатам гнездились всевозможные насекомые, которые в особенности находили себе удобное место на трудно очищаемых балдахинах, устраиваемых над кроватями именно в защиту от находившихся на потолке насекомых; но они находились и в платье и на теле. При описании спален не упоминается еще в первой половине XVIII в. ни об умывальниках, ни о тазах, ни о полотенцах. Имелись лишь кувшины, из которых лили немного воды на руки и слегка мочили лицо; французским королям подавались по утрам мокрые полотенца, которыми они обтирали лицо и руки. Блестящий двор Людовика XIV сильно бы потерял в своем блеске при более внимательном осмотре его с этой стороны; король сам страдал от недостатка чистоты, и о людях вполне чистых говорили, как о явлении исключительном и достойном особого уважения.¹

В городах еще не было водопроводов; питьевая вода была негодна (в Париже, Дижоне, Перпиньяне); в городских резервуарах находили трупы кошек и крыс (в Киле). Тротуаров также не было (в Париже они были устроены лишь в 1782 г.), не было и мостовой (в Марселе лишь в 1780 г. решили замостить одну из улиц) или она была такова, что лучше бы ее вовсе не было, как говорили жители силезских городов еще в начале XIX в.: она изобиловала рытвинами, куда легко проваливались люди и животные с повозками (в Эрфурте, Мюнстере), а после каждого дождя улицы превращались в непроходимые болота (в Амстердаме).

Хождение по скользким улицам в вечернюю пору, при отсутствии освещения, являлось далеко не безопасным. Магистрат Бреславля еще к концу XVIII в. признавал, что публика рискует сломать себе руки и ноги. Посреди улицы находились сточные канавы, издававшие зловоние и служившие очагом заразы (в Лондоне). Ибо ретирады почти отсутствовали, и население удовлетворяло свои потребности на дворе (и выбрасывало экскременты на улицу); в небольших городах это проделывалось даже посреди улицы; Лувр, в Испании даже королевский дворец, был совершенно загажен. «Улицы по своей грязи и зловонию, — говорит Артур Юнг о главном городе Оверни Клермон-Ферране, — напоминали траншеи, прорезанные в куче навоза»; между тем, местные жители в этой вони чувствовали себя прекрасно. Французские города во второй половине XVIII в. (Монпелье, Безансон, Амьен, Нант, Бордо) обнаруживают усиленную строительную деятельность, украшая город роскошными зданиями театров, «судебными дворцами», крытыми рынками, элегантными бульварами, садами, зданиями городских дум, фон-

¹ См. Franklin. La vie privée d'autrefois. Les soins de toilette. 1887, p. 26—38. Alw. Schulz. Häusl. Leben, p. 140—141, 337. Ванны находим лишь у очень богатых людей, остальные лишь от времени до времени посещали публичные бани, но последние часто служили распространителями заразных болезней, и во многих городах их совершенно закрывали. По мнению Зомбарта (Luxus und Kapitalismus, p. 68), на чистоту тела впервые стали обращать внимание придворные куртизанки, и уже их примеру вынуждены были последовать дамы из общества; матери дают совет дочерям мыться для себя или... для мужа.

танами, статуями; но все остальное остается в прежнем виде. «Везде в городах, — пишет из Франции русский путешественник Фонвизин в 1777 г., — улицы так узки и так скверно содержатся, что дивиться надобно, как люди с пятью человеческими чувствами в такой нечистоте жить могут».¹

Не удивительно, если Руссо называет города «пропастью, поглощающей человеческий род». «Люди не для того созданы, — говорит он, — чтобы быть втиснутыми в муравейники; болезни тела, как и болезни души, являются неизбежным последствием слишком большого стечения людей». Напротив, деревня содействует, по мнению Руссо, возрождению расы.

Любопытные данные относительно состояния Парижа в гигиеническом отношении сообщает Franklin в одном из томов своего исследования «La vie privée d'autrefois» (L'Hygiène. Paris. 1890). В 1531 г. приказано было жителям Парижа устроить в своих домах ретирады и выгребные ямы, чтобы не пользоваться для тех же целей улицами; но еще при Людовике XIV только немногие имели у себя ретирады, содержимое которых от времени до времени выбрасывалось в сад. Еще в XVIII в. нечистоты из плохо устроенных выгребных ям попадали в соседние колодцы. В домах каждый раз открывались окна, и раздавался крик: «gare l'eau!»; на невнимательного прохожего, не слышавшего предупреждения или не успевшего посторониться, выливалось содержимое ночной посуды или ведер с экскрементами. Во всем Париже не было места, где проходящие по улице были бы гарантированы от подобных неожиданностей и где не было бы невыносимого запаха от выброшенных таким образом на улицу нечистот. Только в 1777 г. полиция запретила такой образ действий, относящийся к наиболее часто встречающимся нарушениям санитарных правил, как гласит ордонанс. От времени до времени приходилось очищать город; когда, вследствие непрекращающихся чумных эпидемий, произведена была подобная очистка улиц в 1666 г., то в честь ее не только слагались поэмы, но были чеканены две медали на память об этом чрезвычайно знаменательном историческом событии. Не только улицами, но и публичными зданиями и даже церквями пользовались, в виду отсутствия ретирадов, для удовлетворения своих потребностей, — на лестницах и балконах за дверями валялись экскременты даже в королевском дворце. Хотя еще Генрих III в 1578 г. приказал каждое утро, прежде чем он встанет, очищать от этого залы его дворца, но и при Людовике XIV во дворцах «запах был более сильный, чем издаваемый розами, но вовсе не более приятный». Когда, по случаю коронации Людовика XVI, устроен был в реймском соборе, где оно происходило, ретирад «à l'angloise», т. е. с современными приспособлениями, где вода уносит нечистоты, то в этом усматривали верх пресмыкательства, хотя эти приспособления изобретены были в Англии еще в XVII в. Дижонский врач Маре в соч. «Mémoire sur l'usage où l'on est d'enterrer les morts dans les églises et dans l'enceinte des villes» 1773 г. в ярких красках описывает весь ужас погребения мертвых в церквях и указывает на огромные опасности, свя-

¹ См. Franklin, ук. соч. Macaulay. History. Trautmann. Kiels Ratsverfassung und Ratswirtschaft vom Beginn des 17. Jahrh. 1909, p. 201 и сл., 222 и сл. Horn. Erfurts Stadtverfassung, p. 101. Gebauer. Breslaus kommunale Wirtschaft um die Wende des XVIII Jahrh. 1906, p. 178 и сл. Hilgert. Finanzen der Stadt Münster i. W. von 1816—1908 (Abh. a. d. staatswirt. Seminar zu Münster. H. 9) 1910, p. 135. Behre, p. 149. Ардашев. Провинц. администр. во Франции в посл. пору стар. пор. II, 279 сл. Roupnel. La ville et la campagne au XVIII s. 1922, p. 112 сл.

занные с таким соседством для населения, ибо земля и воздух отравлены трупами погребенных. Только в 1777 г. было ограничено погребение в церквах, но и то оно не было совершенно запрещено, вследствие чего «испарения, исходящие от мертвых, убивали живых». Кладбище «des Innocents» в Париже было так устроено, что в прилежащих к этой местности домах припасы портились в течение нескольких — часов вследствие исходивших оттуда испарений; это свидетельствовало «о варварстве еще большем, чем у готтентотов или негров».¹

При таких антисанитарных условиях, — хотя врачи уже в XVI в. говорили о необходимости чистой воды и чистого воздуха, — нет ничего странного в том, что эпидемии чумы,² тифа, оспы, кровавого поноса, кори свирепствовали в городах и вызывали сильную смертность. Такое же влияние на смертность оказывали бесконечные опустошительные войны.³ Войны вызывали усиленную смертность вследствие большого числа умерших от ран как среди комбатантов (войска), так и среди прочего населения тех местностей, которые заняты были войсками; еще в большей степени, однако, сильная смертность являлась последствием распространения, в связи с войнами, различных эпидемических болезней. Последние, — как видно из Гезера, подробно разбирающего этот вопрос, — свирепствовали среди войска (в особенности так наз. «лагерный тиф»), распространялись среди населения данной местности; нередко эпидемия развивалась и дальше и охватывала обширные пространства Европы, так что война являлась исходным пунктом для возникновения и роста различных эпидемических болезней. Вследствие этого, в отдельные годы и целые десятилетия смертность даже в стране, взятой в целом, не покрывалась рождаемостью; напр., в Германии в эпоху Тридцатилетней войны соотношение между умершими и родившимися составляло в среднем 100:96,7; в Вюртемберге в 1634—1639 гг. население, по Рюмелину, сокращалось ежегодно на 15,4 %.

¹ Franklin. *La vie privée d'autrefois. L'hygiène*, p. 122 и сл., 133—143, 149—154, 168, 171, 176, 197—203. Дом призрения в Бордо имел и свое кладбище, которое находилось тут же, у самого заведения, и было отделено от двора только забором (Guitard in *Mémoires et documents publ. par Naum. 4-e ser.* 1916, p. 151). Напротив, стоки для нечистот имелись в «Hôpital» уже с конца XVII в. (как и устроены были в помещениях его отхожие места). Ср. Rournel. *La ville et la campagne au XVII s.*, p. 115. В Вюрцбурге кладбища, находящиеся в пределах города, были закрыты только в начале XIX в. (Meisner. *Entwickl. des Würzburger Stadthaushalts.* 1912, p. 88).

² В Восточной Пруссии, по различным вычислениям, в 1709—1710 гг. вымерло около третьей части населения; в Магдебурге в 1709 г. население, под влиянием чумы, сократилось с 8 до 5 тыс. чел.; в Данциге в этом году было 1836 родившихся и 24 533 умерших, а вообще за период 1601—1750 гг. в Данциге число умерших составляло на 83 тыс. более числа родившихся. В Лондоне, по словам Граунта, во время чумных эпидемий 1603 и 1625 гг. вымерло около одной пятой населения; однако, тот же автор утверждает, что, благодаря приливу извне, в течение двух лет после чумы население Лондона, по общему правилу, достигает прежней цифры. В 1636 г. в Лондоне умерло 23 тыс. чел., из них 10 тыс. от чумы, в 1665 г. — 97 тыс., из них 68 тыс. от чумы (в нормальные годы умирало всего 10—12 тыс.). См. Creighton, A. *History of Epidem. in Britain.* 1891.

³ Во время Шведско-польской войны в Восточной Пруссии в 1656 г. было сожжено 13 городов, 249 местечек и селений, убито 23 тыс. чел. и взято в плен 34 тыс.; в Померании во время Семилетней войны население уменьшилось на 10 проц.

В XVI в., во время осады французами Неаполя в 1528 г., в лагере французов началась эпидемия тифа, которая уничтожила большую часть войска и самого командующего; в 70-х гг. в Нидерландах и в осажденных испанцами городах, как и среди испанского войска и далее за пределами театра войны, постоянно свирепствовали различные эпидемии; дизентерия же помешала истреблению испанцами голландского флота, ибо от нее погиб адмирал и значительная часть флота. В Венгрии во время походов Максимилиана I против турок среди его войска (как и впоследствии среди войска принца Евгения в 1717 г. и в 1788—1789 гг.) распространилась так наз. венгерская болезнь, вид тифозных заболеваний (местные жители и турки от нее не страдали), и после окончания похода она была занесена распущенными по домам солдатами в Германию, Богемию, Бельгию и Италию, распространилась даже в Англии. Еще сильнее свирепствовали различные эпидемические болезни в первой половине XVII в., в эпоху Тридцатилетней войны: цынга, кровавый понос и, в особенности, тиф распространились по всей охваченной огнем войны территории: в Саксонии, Вюртемберге, занятых Валленштейном и Тилли, Померании и Мекленбурге, в лагере шведов под Нюрнбергом, в Аугсбурге и Мюнхене, где находились имперские войска и шведы. Но не менее страдали и Нидерланды во время продолжительной борьбы с Испанией, Франция и Италия — в 1628—1632 гг. во время войны за Савойю, когда беглые войска распространяли «лагерный тиф». Наконец, в то время как в большей части Европы во второй половине XVII в. эпидемические болезни временно уменьшились, лагерная горячка вновь свирепствовала во время войны Людовика XIV в тех местностях, которые занимались французскими войсками. В начале XVIII в. война за испанское наследство и Северная война (после полтавской битвы беглые шведские и польские войска занесли чуму в прибалтийские местности) вызвали эпидемии чумы и тифа в первые два десятилетия; напротив, следующее, сравнительно спокойное, двадцатилетие свободно от них: только силезские войны снова вернули Европу к прежнему состоянию, и эпоха 1750—1775 гг. полна ужаснейших эпидемий, среди которых на первом плане стоят эпидемии во время Семилетней войны (всеобщее распространение их в 1757—1763 гг., начиная от простой малярии до сильнейших форм тифозных заболеваний) и во время войны между Испанией и Англией (возвращавшиеся из Испании войска распространили дизентерию и тиф по всей Франции). Наконец, после некоторого промежутка, настали революционные войны, а с ними дизентерия и тиф во всей Средней Европе вплоть до Италии, где они косили и местное население и французские войска.¹

Тем не менее, как указывает тот же Гезер, все же период XVI—XVIII вв. представляет собой, по сравнению со средневековой эпохой, известный шаг вперед в смысле меньшего распространения эпидемических болезней. Это вызывалось, с одной стороны, некоторым улучшением в питании с XVII в.: среди средних классов распространяется потребление вина, чая, кофе; голода составляют явление менее частое, чем прежде; качество потребляемого хлеба и других продуктов несколько улучшается. А, с другой стороны, человеческий организм успел постепенно приспособиться, его сопротивляемость усилилась. И в самом лечении болезней обнаружили успехи, в особенности вследствие замены

¹ Haeser. Geschichte der Medizin. В. III, р. 349, 358, 363, 377—378, 399—401, 404—406, 454—457, 463—464, 478, 481—488, 494, 533—537. Ср. Roupnel. La ville et la campagne au XVII s. 1922, р. 37 сл.

прежних, совершенно непригодных и даже прямо вредных снадобий новыми средствами. Такими новыми средствами являлись: опий, привозимый голландцами и англичанами из Индии; ремень, экспортируемый из Америки через Россию, где торговля им была долго казенной монополией; ипеакауана, получаемая также из Америки; наибольшее же значение имело употребление другого американского продукта — хинной коры. Хинин стали употреблять с половины XVII в. во всевозможных случаях и в чрезвычайно больших дозах, и он приносил громадную пользу.¹ Наконец, важное значение имели различные меры борьбы с эпидемиями, которые постепенно входят в употребление, как то: изолирование больных и даже целых местностей, охваченных эпидемией, дезинфекция помещений и т. д.

Эпидемии, в особенности чумы, и теперь еще вселяли ужас в население — «это враг, который распространяется, как огонь, которым подожжена солома». Владельцы замков, усадеб, ферм покидали их и бежали в другие места, длинные ряды экипажей двигались из зараженного города. Но примеру этих жителей следует и правительство — городская ратуша, магистрат, консулы, суд; бежит и духовенство; бегут, забыв о своих обязанностях именно во время эпидемии, даже аптекари и врачи; Сиденгам, один из крупнейших медиков XVII в., покидает Лондон во время эпидемии чумы; и современники не видят в этом ничего дурного. Точно так же король Генрих IV во время эпидемии в Париже спасается в Руан; так же поступают имп. Фердинанд II, польский король Сигизмунд, датский король Христиан IV, герцоги, ландграфы. На ряду с этим мы находим впрочем и людей, которые остаются на своих местах и ревностно исполняют свои обязанности, — они в большом количестве погибают.

Средства предупреждения эпидемий применялись различные. Устраивается карантин (*posocomium*), в особенности для судов, приходивших с Востока (в Марселе, Тулоне, Генуе, Ливорно), составляются списки опасных местностей и не допускаются ни приезжающие оттуда люди ни привозимые товары, иногда вовсе закрывается всякий доступ кого бы то ни было в пределы города, и жители поочередно днем и ночью дежурят у всех городских ворот, чтобы следить за выполнением этого постановления. Дело доходит до того, что город, в котором свирепствует эпидемия, окружается кордоном, и отрезаются всякие сношения его с внешним миром.

На ряду с такого рода средствами находим и различные санитарные меры, как чистка улиц, вывоз нечистот, содержание в чистоте съестных припасов и т. д. К сожалению, все это делалось не в обычное, нормальное время, а лишь тогда, когда эпидемия уже свирепствовала. А между тем, — говорит Мальтус, — немногих мер этого рода, как осушение болотистых местностей, проведение и расширение улиц, постройка больших и имеющих много воздуха домов, оказывалось достаточным для избежания эпидемий и способствования во многом благополучию населения. Далее, заболевших, в особенности иногородних, шт также местных жителей, отправляют за пределы города и помещают в весьма примитивных, наскоро сколоченных бара-

¹ Больницы, однако, еще и в XVIII в. представляли ужасное зрелище, и неудивительно, что население их избегало. См. Franklin. *L'hygiène*, p. 177—192. Больных клали по несколько (четыре) человек в одну кровать, при чем не считались с характером их болезни (Besnard. *Mémoires d'un nonagénaire*. 1880). Королевская мануфактура по выделке парусного холста в Анжере (в 1751 г.) гордилась тем, что она своим рабочим, в случае их болезни, дает каждому отдельную кровать в больнице (Dauphin. *Recherches pour servir à l'histoire de l'industrie textile en Anjou*. 1916, p. 121).

ках, крытых соломой; им запрещается выходить за пределы этих барачков, — в нарушающих это правило приказывают стрелять. Впрочем, с течением времени создаются уже большие и удобные помещения; они строятся заранее, чтобы служить лазаретами в случае наступления эпидемий, в остальное же время стоят пустыми. Обыкновенно и членов семьи, живших вместе с заболевшим, отправляют в особые заведения для подозреваемых, дом же запирается и запечатывается; если же много таких домов на данной улице, то доступ к ней вообще прекращается. Платье, белье, постель заболевшего обычно сжигаются; далее, производится дезинфекция при помощи ароматических растений, за которыми следуют крепкие вещества (сюда входит аммониевые соли, селитра, скипидар, известь, чернильные орешки в спирте, смола разного рода), — запах получался такой, что даже крысы погибали.¹

В XVII в. исчезает проказа,² в Италии это происходит уже с конца XV в. вследствие более раннего культурного развития этой страны. Сифилис, после периода страшного усиления в конце XV и начале XVI вв. теряет свой эпидемический характер. В XVIII в. уменьшаются эпидемии кровавого поноса, до того производившие огромные опустошения среди населения. Наконец, еще более важное событие составляет постепенное уменьшение чумных эпидемий и сокращение смертности от чумы уже с XVI в. Чума, по-видимому, заменяется более слабой формой — «петехиальным» (т. е. чумным — от слова *pestis*) тифом, появление которого прямо рассматривали как более слабую форму чумных заболеваний; Но все же лишь в XVIII в. чума перестает быть наиболее важной из эпидемических болезней, — по своему значению она теперь отступает на задний план. В 1666 г. она в последний раз посетила Англию, в начале XVIII в. еще появилась в Италии, Голландии, Германии, Скандинавских странах, после чего и тут исчезла.³

Крайнее разрушение внесла Тридцатилетняя война. «Население, — говорит Густав Фрейтаг, — дошло до высшей степени несчастья, апатия стала всеобщей. О крестьянах не много можно сообщить. Они одичали и безнадежно прозябают. Где войска опустошали и голод свирепствовал, там люди и собаки пожирали те же трупы, детей ловили и убивали».⁴ Не столь резко высказываются Эрдмансдерфер⁵ и Гендтке⁶ но и они изображают грустную картину. Напротив, Генигер старается смягчить ее, указывая на склонность современников к преувеличению ужасов, — степеней они не знают, всегда изображается высшая степень. Причина — желание вызвать сострадание, а также добиться рассрочки платежей, уменьшения долгов и освобождения от уплаты процентов, как и избежать новых налогов. Многие сообщают не то, что они сами пережили, а то, что слышали от других, — и ужасы растут, как лавина, переходя от одного к другому. В особенности Генигер не доверяет сообщениям о том,

¹ Lallemand. Histoire de la charité, T. IV. 1. 1910, p. 60—111.

² Даже в Париже, что, однако, нельзя приписать, как указывает Франклен (*L'hygiène*, p. 104—150), улучшению гигиенических условий.

³ Haeser. В. III, p. 234 и сл., 299 и сл., 315—318, 347, 357, 376, 444—445, 559, 573—574, 584—588.

⁴ Freytag. Bilder aus der deutschen Vergangenheit.

⁵ Erdmannsdorfer. Deutsche Geschichte von 1648—1740. В. I, p. 101 сл.

⁶ Haendtkе. Deutsche Kultur im Zeitalter des 30-jährigen Kriegs. 1906, p. 144 сл. См. также Hanser. Deutschland nach dem dreissigjährigen Kriege. 1862.

что люди разрывали могилы и пожирали трупы, что родители убивали детей и съедали их, что были целые банды, производившие прямо охоту на людей, как рассказывает Шерр. Он находит преувеличенным описание жестокостей, производимых войсками над населением, мучений, которым они подвергли людей. «Конечно, убийства и грабежи, вымогательство и изнасилование совершались сотни и тысячи раз, но чтобы все это происходило одновременно в том же месте, это — фантазия». Генигер указывает и на то, что далеко не повсюду исчезали с лица земли целые деревни, а там, где это случалось, это было еще до войны, или же на опустошенных местах вскоре возникли новые селения. Самый главный капитал — земля — ведь, несмотря на все грабежи, оставалась на месте. Он не верит и в то, что четвертая часть населения погибла, — эти цифры совершенно ничем не подтверждаются; спустя несколько десятилетий почти не осталось следов от опустошений, едва ли сокращение могло быть столь велико.¹

Ламмерт, составивший, на основании записей современников, хронику всего этого периода, год за годом (на 272 страницах), детально изображает результаты эпидемий — петехиального тифа («солдатской болезни»), кровавого поноса, чумы, «венгерской лихорадки», — указывает, как сотни людей в день умирали в том или другом городе, как погибали от эпидемий, занесенных войсками, целые деревни, как вынуждены были расширять кладбища и устраивать новые, как людей хоронили тут же около дома, как люди бежали, куда глаза глядят, селились в палатках на полях и в лесах, как города запрещали приезд из зараженных местностей, и т. д. Сообщаемые им цифры погибшего от эпидемий населения очень велики, — даже если они преувеличены, и их сократить, то все же сумма получится очень крупная.²

Рядом с этим, в хрониках, опубликованных Ламмертом, сообщается постоянно о дороговизне и голодовках, как результате в особенности осады и занятия городов армиями и расквартирования войск. Последние на каждом шагу грабят, жгут, опустошают поля, уничтожают целые селения. Жителей они подвергают нередко страшным мучениям; и шведы, и баварцы, и кроаты, и испанцы, — все в достаточной мере бесчеловечны, кровожадны и жестоки. В Мюнхене, напр., в 1632 г. они совершили насилия над женщинами, а мужчин медленно убивали со страшными мучениями, вливая им расплавленный свинец или привязывая к хвостам лошадей. Еще гораздо больше упоминается в этих хрониках случаев, когда, под влиянием голода, люди пожирали не только кошек и собак, кору деревьев, мышей и крыс, дикорастущие корни ит. д., но и человеческие трупы. Так, напр., рассказывается, что в Аугсбурге в 1634 г. непогребенными трупами умерших от эпидемий удовлетворяли голод, родители пожирали только-что умерших детей, дети — родителей. В Нейштадте (Пфальц) в 1635 г. приходилось охранять кладбище от вырывающих из могил трупы. И живых убивали и пожирали, — одна женщина убила своего ребенка, посолила его мясо и съела; она

¹ Höniger. Der dreissigjährige Krieg und die deutsche Kultur. Preuss. Jahrb. 1909.

² Напр. в Данциге в 1620 г. 20 тыс. — подсчитано по неделям; в 1625 г. 4 тыс., в Моравии в 1622—1625 гг. 4200, в Ольмюце в 1624 г. 14 тыс., в Госларе в 1625 г. 3 тыс., в следующем столько же, в Вюртемберге в 1626 г. 28 тыс., в Бремене в 1627 г. 10 тыс., в Гамбурге в одном только квартале в 1628 г. 4200 чел., в Кольберге в 1630 г. 3500, в курфюршестве Саксонском в 1631—1632 гг. 934 тыс., в Страсбурге в 1633 г. 8 тыс., в Лейпциге в 1633 г. 5 тыс., в Швейднице в 1633 г. 16 тыс., в Бреславле в 1633 г. 13 тыс., в Нейссе в 1633 г. 5 тыс., во Франкфурге-на-Майне с 1625 по 1646 г. 34,6 тыс., в Нюрнберге в 1634 г. 18 тыс., в Страубинге в 1634 г. 18 тыс., в Аугсбурге в 1634 г. 60 тыс., в Эсслингене в 1634—1635 гг. 9 тыс., в Штуттгарте в 1635—1636 гг. 5370, в Лейдене в 1635 г. 20 тыс., в Ганау в 1635 г. 21 тыс., в Эйленбурге, в Саксонии, в 1637 г. 8200, в Нейбранденбурге в 1638 г. 8 тыс., в Хемнице в 1643—1644 гг. 11 тыс.

умерла в тюрьме. В Саарбрюкене в 1635 г. — повествуют — был людоед, который убивал людей и пожирал их.¹

Для некоторых городов мы имеем более или менее точные сведения о результатах Тридцатилетней войны. Так, напр., во Фрейбурге (Баден) в 1632 г. число хозяйств составляло: цеховых 1590, духовенства и граждан (кроме неполноправных) 175, итого 1765. В 1650 г. оно падает до 725 (615 первых и 110 вторых) и даже два десятилетия спустя достигает лишь 985, т. е. немногим более половины числа за 1632 г.² В Эрфурте по переписи 1624 г. оказалось 13 884 жителя, но затем обнаруживается сильное превышение смертности над рождаемостью, население сокращается и только в 1681 г. доходит до 15 тыс.³ В Брегенце, на основании податных списков, получаем в 1620 г. 435 хозяйств и 1522 души, в 1648 г. 300 хозяйств и 937 душ населения, и прежняя цифра не достигнута еще вплоть до конца XVII в.⁴ Специальное исследование произведено Бейгофом для выяснения влияния Тридцатилетней войны на экономическое развитие Гиссена. Если этот город первоначально мало почувствовал войну, то в 1635 г. и здесь началась эпидемия голодного тифа, которая вызвала в этом году смертность в 140 чел. вместо нормальной в 120 (записи погребенных). Но только лишь начиная с 1640 г. Гиссен непосредственно почувствовал все ужасы войны, когда ему пришлось не только нести крупные расходы на содержание гессенской армии, но и страдать от прохода и расквартирования войск, грабежей и контрибуций. Город в течение немногих лет обнаружил сильный экономический упадок. Имущество, показанное в податных списках 1632 г. в 117 тыс. флор., сократилось в 1648 г. до 40 тыс.; в 1617 г. наиболее крупное имущество составляло 3000 флор., в 1648 г. — всего 700 флор. Произведенный в 1648 г. подсчет населения дал 589 хозяйств, на основании чего автор исчисляет 2700 жителей, тогда как для 1617 г. он получает 3600 душ, так что уменьшение составляет 25 % Только в 1669 г. население, по переписи, снова достигает 3531 жителя, т. е. цифры предшествующей войне эпохи, а поступления от поимущественной подати (Bede) оказываются в 1663 г. (1352 флор.) выше, чем в 1610 г. (ок. 1300 флор.), так что город сравнительно скоро оправился от перенесенных бедствий.⁵

Тридцатилетняя война, захватившая и восточные области Франции — Бургундию, Шампань. Франшконте, — вызвала и здесь сильнейшие опустошения, производимые в равной мере как имперскими войсками (армией Галласа), так и защищавшей Францию армией герцога Саксен-Веймарского. И те и другие в равной мере забирали у населения скот, грабили домашнюю обстановку, поджигали дома, убивали мужчин, насиловали женщин, покидая занятые ими места лишь после того, как все было настолько разорено, что им самим нечем было существовать. Все это делалось безнаказанно, ибо малейшая попытка борьбы со стороны местных властей стоила им жизни. Население в такой же мере опасалось прохода неприятеля, как и появления гарнизонов, назначенных для охраны жителей. Все это продолжалось и после окончания Тридцатилетней войны, во время войны Фронды 1649—1653 гг., как и при Людовике XIV вплоть до 70-х г. XVII в.; Бургундия и соседние области все время подвергались разорению проходившими войсками и дезертирами, — постепенно уста-

¹ Такие же сведения находим из Майнца, из Нейштадта, из Гадамара, из Нассау за тот же 1635 г., из Иппесгейма (Бавария), в Альцей (Пфальц), в Гейнгаузене на Рейне за 1637 г., из Мекленбурга за 1638 г., из Геттштедта за 1639 г. Lammert. Geschichte der Seuchen, Hungers- und Kriegsnot zur Zeit des dreissigjährigen Kriegs. 1890.

² Auer. Das Finanzwesen der Stadt Freiburg von 1648 bis 1806. B. I, p. 12 сл.

³ Horn. Erfurts Stadtverfassung und Stadtwirtschaft, p. 31.

⁴ Helbok. Bevölkerung der Stadt Bregenz am Bodensee. 1912, p. 59 сл. и Tab. II.

⁵ Beyhoff. Stadt und Festung Giessen im Zeitalter des dreissigjährigen Kriegs. B. I. 1915.

новились постоянные контрибуции, взимаемые ими с жителей. А ко всему этому присоединялась сначала чума (в последний раз она опустошила Бургундию в 1636 г.), а затем тиф и холера; уменьшение скота, уничтожение посевов, разорение деревень усиливало распространение эпидемий, следовавших за армиями. Наконец, в результате, должен был появиться голод со всеми его ужасами, — с потреблением травы, павших животных, кошек и крыс и, наконец, с людоедством и пожиранием человеческого мяса. Город Дижон превратился в «огромный лазарет» и даже в «огромное кладбище».¹

Переселение из сел в города, вследствие хронического превышения смертности в последних над рождаемостью (в Данциге, напр., в период 1601—1750 гг. умерло на 82,5 тыс. более, чем родилось; в Париже в 1670—1684 гг. родилось 18 тыс., умерло 20 тыс.), являлось необходимостью; но и для многих стран привлечение переселенцев и, во всяком случае, недопущение эмиграции собственного населения составляло вопрос их существования. В Бадене, Саксонии, Австрии, Савойе, Польше и других странах правительство всеми силами старалось воспрепятствовать выселению жителей, заключало даже с другими правительствами соглашения о взаимной выдаче беглых подданных, хотя эти постановления и договоры редко приводили к цели. Весьма строго эти запрещения проводились в отношении промышленников, которые не должны были распространять новых изобретений и отраслей промышленности в других странах. Поэтому, напр., в Бельгии (в 1698 г.) запрещена была эмиграция кружевников, в Австрии — стекольщиков (богемских), в Пруссии при Фридрихе Великом — чулочников. В случае невыполнения требования вернуться, посылались (напр., в Венеции) люди, которые должны были убить (отравить) мастера, сообщившего свое искусство другим странам. Одно уже подозрение, что данный промышленник может выселиться, влекло за собой обязанность внести залог; такое правило существовало, напр., в Англии в отношении мастеров шерстяных и металлических изделий; с 1750 г. оно было распространено на все отрасли промышленности; агенты же, уговаривавшие англичанина эмигрировать, подвергались наказанию в 15 месяцев тюрьмы и 300 ф. стерл. штрафа.²

Тем не менее, период XVI—XVIII вв. представляет собою эпоху промышленной эмиграции; благодаря многочисленным переселениям, в различных странах Европы распространились новые, ранее не известные отрасли производства. В XVI в. в особенности английские протестанты во время преследований в царствование Марии, итальянцы (из Локарно), евреи, изгнанные из Испании, голландцы во время господства Альбы выселялись в другие страны. Итальянцы перенесли во Францию шелковую и зеркальную промышленность, фламандцы — кружевную, в Германии нидерландцы и евреи оживили торговлю

¹ Roupnel. La ville et la compagne au XVII s. 1922, p. 24 cx, 27 cx, 32 сл., 37 cx, 42 сл., 53 cx, 61 сл.

² См. мою статью: Die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise. Schmollers Jahrbuch; 1906, p. 73 и сл.

(франкфуртская, лейпцигская ярмарки). Во второй половине XVII в., после отмены Нантского эдикта, начинается обширная эмиграция гугенотов из Франции. Выселилось около 50 тыс. семейств, 290—300 тыс. чел., в разные страны Европы: в Нидерланды (в 1687 г. насчитывалось около 75 тыс. французов), Пруссию (в 1720 г. их было 17 тыс.), Австрию, прирейнские страны, Англию (в конце XVII в. в Лондоне было около 60 тыс. гугенотов). Такие отрасли промышленности, как, напр., производство табачных изделий, стекла, мыла, шелковых тканей, тонкого сукна и кожи, часов, лент (на новом станке), как и новую чулководельную машину, — все это эти страны получили благодаря гугенотам. Во Франции же, под влиянием эмиграции промышленного населения, сократилась торговля Лиона и Марселя, бумажное производство Лимузена и Прованса; в Реймсе половина станков осталась без работы, в Туре число шелковых ткачей уменьшилось с 40 до 4 тыс. Из Нима шелкоткачи разбрелись в разные стороны: одни — в Авиньон, другие — в Амстердам, где они стали производить славившиеся в Ниме ленты, третьи — в Лондон, где они образовали особую корпорацию; и в Лозанне шелковая промышленность состояла целиком из жителей Нима.¹ Французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами, прусская — гугенотами. Вся швейцарская промышленность создана эмигрантами: цюрихская шелковая промышленность — протестантами из Локарно; базельская ленточная, невшательская кружевная, производство часов в Женеве, наконец, столь широко развившееся бумагопряденье и ситценабивное производство Швейцарии обязаны своим существованием гугенотам, переселившимся после отмены Нантского эдикта.² Англия, прославившаяся на всю Европу своими шерстяными тканями, обязана была этому прежде всего голландцам и фламандцам. Периодические переселения последних в течение семи веков, с XI по XVIII в., доставили Англии все, — от первого ознакомления населения с производством шерстяных тканей до производства «new draperies», т. е. смешанных с шелком и льном материй, отличавшихся яркими цветами и разнообразием рисунка; это были тонкие ткани для высшего общества и легкие изделия для сбыта в тропических странах (см. ниже, отд. III, гл. 5). В области мореплавания и кораблестроения, банкового дела и биржевой техники, посева кормовых трав, даже производства хлопчатобумажных материй, которые создали в XIX в. мировую индустрию Англии, нидерландские переселенцы были их учителями.

В Голландию, которую именовали «la grande arche des fugitifs», во время испанских насилий (в XVI в.) переселялись валлоны, фламандцы, брабантцы, евреи уже со времени их изгнания из Испании; при Марии Тюдор переселилось 30 тыс. протестантов из Англии, во время Тридцатилетней войны — значительное количество немцев, наконец, французские протестанты, число которых к концу XVII в. опреде-

¹ Dutil. L'industrie de la soie à Nimes. Rev. d'hist. mod. X, p. 321.

² Rappard. La révolution industrielle etc. en Suisse. 1914, p. 54, 75, 88, 92, 96, 105.

ляли в 55—75 тыс. Последние завели более 20 различных отраслей производства. В Лондоне в 1568 г. насчитывалось 6704 иностранца, из них 5225 голландцев; в Норвиче в 1571 г. имелось 3925 голландцев и валлонов, а в 1587 г. большинство населения (4679) состояло из них. Голландцами и фламандцами введена была в Англии стекольная промышленность (привилегия Бена и Кара — в конце XVI в. — для выделки стекла по французскому, бургундскому и голландскому способу) далее, производство проволоки в 1662 г., ярко-красных материй, часов с маятником (*dutch clocks*); они развили крашение шерсти (Бауер в 1667 г.), они же положили основание шеффилдской металлической промышленности.¹

В Пруссию с 1685 г. по 1805 г., благодаря веротерпимости (*de laisser à chacun la liberté d'aller au ciel par quel chemin il lui plait*, как говорил Фридрих Великий), переселилось около 350 тыс. колонистов, бежавших преимущественно от преследований в других странах. Это были протестанты из Пфальца (7 тыс. чел. в 1680—1699 гг.), архиепископства Зальцбургского (20 тыс. чел. в 1732 г.), Швейцарии (6—7 тыс.), Богемии, в особенности же французские гугеноты (ок. 20 тыс. чел.), а также немцы из Вюртемберга.² Пруссия занялась планомерной колонизацией, сопровождаемой выдачей пособий на дорогу и на устройство хозяйства, освобождением от податей на 2—15 лет, от пошлин и т. п., в особенности же раздачей земли колонистам; огромное большинство их составляли крестьяне, только гугеноты и некоторые другие поселились в городах и занялись промыслами. Крестьяне были поселены отчасти в Силезии на помещичьих землях, где землевладельцам выдавалось по 150 талеров за каждый вновь образованный крестьянский двор, отчасти же и преимущественно на королевских доменах в Курмарке (ок. 50 тыс.), Восточной Пруссии — на пустовавших или вновь расчищенных землях. По Бегайм-Шварцбаху, к концу жизни Фридриха Великого, «приблизительно третья часть населения или около миллиона людей состояло из колонистов и потомков колонистов, поселившихся со времени великого курфюрста в Пруссии», из коих около 400 тыс. (285 тыс. переселилось) приходилось на эпоху Фридриха Великого. В эту же эпоху совершалась сильная эмиграция немцев в Венгрию (в 1712 г. переселилось туда ок. 14 тыс., в 1763—1776 гг. ок. 80 тыс.) и Польшу (пров. Познань). А с другой стороны, происходило переселение французов, голландцев, в особенности же англичан, в Америку. По вычислениям Левассёра, к концу XVIII в. в Америке насчитывалось ок. 9,5 млн. европейского населения; именно 6,7 млн. в Северной Америке, из которых 4,5 млн. приходилось на Соед. Штаты, и 2,7 млн. в Южной Америке; из них 1,7 млн. в испанских владениях и почти 1 млн. в Бразилии.

Фридрих Великий в письме к Вольтеру называл людей стадом оленей, пасущимся в парке барона с целью увеличивать свою численность и наполнять отгороженное

¹ Campbell. *The Puritans*. I, 269, 489. Cunningham. *Allien Immigrants*, 178 сл., 212 сл. Weiss. *Histoire des Réfugiés*. II, 135. Sombart. *Der Bourgeois*, 387 сл.

² В 50-х и 60-х гг. XVIII в. из Вюртемберга эмигрировало вообще в среднем свыше 2 тыс. чел. ежегодно, или 0,5 проц. населения.

им пространство. «Подобно тому как одна ласточка не создает еще весны», так и для города и государства необходимо многолюдие, иначе они не могут защищаться и становятся добычей всякого врага. Не удивительно, что рядом с поощрением иммиграции и предоставлением всяких льгот переселенцам и запрещением «вредной» эмиграции, нередко под страхом смертной казни, в особенности для агентов, угоняющих покидать страну, — применяются и многочисленные орудия борьбы с холостяками,¹ им запрещается занимать различные должности, их не принимают в цехи, устанавливаются специальные подати для них, — в Тюрингии, напр., для всех холостых мужчин и незамужних женщин старше 25 лет, всех состояний; вводятся премии за ранние браки и для семейств с большим числом детей, наконец — в противоречие духу времени — сокращаются преследования за внебрачных детей, во избежание, в особенности, вытравливания плода и детоубийства.

По поводу поощрения браков и рождений освобождением отцов многочисленных детей от уплаты податей Филонджиери заявлял, что до тех пор, пока не устранен корень зла, мешающий людям жениться и рожать детей, эти меры остаются бесплодными; они напоминают земледельца, который поливает землю, но не засеивает ее, а Фергюсон находит, что «пока мы одной рукой унижаем и поработаем людей, бесцельно, подобно императору Августу, в другой руке держать приманку к браку или плеть для бездетных. Бесплодно привлекать новых жителей из-за границы, пока те, кого мы уже имеем, дрожат не только при мысли о многочисленной семье, но с ужасом думают даже о неизвестной и сомнительной собственной будущности». Это — меры государей, «дающих яд там, где они думают о целебных снадобьях, и ослабляющих и нарушающих основные жизненные принципы, пытаясь внешними средствами смазывания кожи восстановить расстроенный и болезненный организм». Тем не менее, еще Наполеон I, — а в Германии и позже, — государи выдавали из казны подарок при рождении в семье седьмого ребенка.

Наконец, те же меры применялись в Америке, но там в еще более резкой форме, соответствующей неимевшему позади многовековой истории Новому Свету. В XVII и XVIII вв. нужно было прочно и ускоренным темпом заселить новые колонии, чтобы удержать их за собой. Французы посылали из Европы целые транспорты девиц в Канаду и чуть ли не силой заставляли холостяков жениться. В штате Орегоне всякий, проживший в течение трех лет, обязан был жениться, в противном случае изгонялся или подлежал повешению; действительно, трое глухих к этим советам стояли уже под виселицей, и только веревка заставила их отказаться от одинокой жизни. Многие эмигрировали, владельцы же крупной собственности вынуждены были к удвольствию матерей взрослых дочерей, волей-неволей освободить первых от последних.²

¹ В Ганновере на городском рынке цирюльник брил холостякам голову и бороду, и имевшие такой позорный вид лица не могли ни носить парика, ни посещать трактиров, ни покупать что-либо на рынке. В Германии существовало специальное право для холостяков (Hagestolzenrecht); Ladewig еще в 1727 г. посвятил ему сочинение «De Hagestolziatu».

² См. Elster. Bevölkerungswesen (Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik. § 2,5). Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. B. II. Roscher. Grundlagen der Nationaloekonomie. B. I. (Buch VI. Kap. III.) Smissen. La population. 1893. Fergusson. The history of civil society. 1767. B. III. Ch. IV. Stein. Die Verwaltungslehre. II (Lehre von der inneren Verwaltung. T. 1). 1806. Iolles. Ansichten der nationaloekon. Schriftsteller des 16. und 17. Jahrh. über Bevölkerungswesen. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1886. Clement. Lettres de Colbert. II. Voltaire. Siècle de Louis XIV. Ch. 25. Forbonnais. Recherches et considérations sur les finances de France. 1758. T. I, p. 391. T. II, p. 351.

Однако, французам все эти меры мало помогли. В занятой ими весьма обширной части Северной Америки (нынешней Канаде и других соседних областях) колонистов было слишком мало — в 1642 г., т. е. через 34 года после основания г. Квебека, немногим более 200, тогда как Новая Англия насчитывала 24 000 переселенцев; даже в 1668 г. число французов не превышало 6 тыс.; напротив, в английских колониях (впоследствии отпавших от нее и образовавших Соединенные Штаты) (в 1688 г. насчитывалось по одним вычислениям 180 тыс., по другим 200 тыс. колонистов). В половине XVIII в. Винзор определяет белое население французских колоний в Северной Америке в 90 тыс., английских же — в $1\frac{1}{5}$ — $1\frac{1}{3}$ млн., быть может, оно доходит, по его мнению, даже до 1,5 млн.¹ Не удивительно, что французы при таких условиях не могли удержать этих колоний, что они были совершенно вытеснены из Сев. Америки.

Во Франции та же самая проблема о мерах к увеличению населения, которая выдвинута была в конце XIX в., обсуждалась уже в XVIII в., ибо и тогда и провинциальные интенданты, в особенности Фужероль и Монтескье, утверждали, что население Франции сокращается, что оно вообще меньше, чем в Англии, Голландии, Испании: это — «пустыня в Европе» (Гудар). Надо бороться с безбрачием: «если не дозволено самоубийство, ибо этим отечество лишается человека, то еще менее можно разрешить безбрачие, так как это значит добровольно убивать ряд поколений. Каждый отдельный гражданин есть часть всего населения, он обязан доставить свою долю в увековечении себя». Заявляющий это Гудар (в 1756 г.), как и Мерсье (17,88 г.), усматривает одну из главных причин безбрачия в появлении пожизненных рент, выпускаемых как правительством, так и городами и различными организациями. Эта форма кредита не только (как указывал д'Аржансон, 1764 г.) отвлекает деньги из деревни и заменяет реальные богатства фиктивными, но и сокращает население, ибо владельцы пожизненных рент не женятся: «они продают свое потомство королю за 10 %». Однако, наряду с этим д'Аржансон, Гудар и другие авторы обращают внимание на связь между состоянием земледелия и ростом населения и подчеркивают, что бедственное положение французского крестьянина (когда он вынужден питаться травой), несравненно худшее, чем английского (Леблан, 1758 г.), лишает его желания иметь детей, — впоследствии на роль земледелия в этом отношении указывают физиократы.²

* * *

Насколько изменился характер потребления съестных припасов, в особенности мяса, и изменился ли он вообще, трудно сказать, за отсутствием статистических и иных данных. Маколей указывает лишь на то, что еще к концу XVII в., в виду невозможности прокармливать скот в течение зимы, приходилось убивать его в большом количестве и солить мясо, так что в течение многих месяцев даже джентри не потребляли свежей животной пищи, за исключением дичи и рыбы. При Генрихе VII свежее мясо потреблялось лишь в течение 2—3 месяцев в году, при Карле II мясо солили только в ноябре. Тот же Маколей находит, что хлеб был весьма плох, и в конце XVII в. арендаторы и тор-

¹ См. Supan. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien. 1906, p. 67,93—95,124.

² См. Montesquieu. Esprit des lois. T. XXIII. Boilainvilliers. Mémoires etc. (там отчет Fougerolles). Delvoille. Ange Goudart et son projet pour la répopulation en 1756. (Rev. d'histoire des doct. écon. et soc. 1912).

говцы потребляли хлеб, один вид которого вызвал бы теперь (в половине XIX в.) волнение в рабочем доме.¹

Гораздо больше данных имеется о потреблении напитков — вина, пива, а с течением времени и водки, — о пьянстве в эту эпоху. Лютер писал о том, что вся Германия «загублена пьянством» и что «наш немецкий дьявол — добрая бочка вина, а имя ему пьянство». «Мы, немцы, пропиваем наше имущество, наше здоровье и само царствие небесное» — восклицает другой реформатор, Меланхтон.

Но едва ли сами реформаторы отличались трезвостью, — известно ведь изречение Лютера «Wein, Weib und Gesang». Не меньше пили и в «старой веселой Англии» (old merry England): на дверях кабаков были нарисованы вывески, приглашавшие выпить за самую малую сумму — один пенни, — с уверенением, что за два пенни посетители будут мертвецки пьяны и получают солому, на которой могут выспаться. Кабатчики, действительно, имели помещения, куда провожали своих пьяных гостей. «Немецкий солдат — пьяница, испанский — вор», — говорил Карл V. Но не лучше дело обстояло в этом отношении и среди других слоев населения. Курфюрст Саксонский, уезжая из Праги (в 1610 г.), благодарит императора за радушный прием, — такой прекрасный, что он ни одного часа не провел в трезвом состоянии. И Людовик XV, и Филипп Орлеанский (регент) имели обыкновение весьма часто напиваться до-пьяна. За обедом последнего дело всегда кончалось тем, что гости не в состоянии были ни говорить, ни слушать другого, и часто их приходилось уносить, так как ходить они уже не могли. При дворе Фридриха Великого, когда он был еще наследным принцем, происходили оргии (одна из них в 1739 г. описана участником ее), при которых не только били и ломали зеркала, посуду, мебель, но напивались так, что в течение многих дней, «по болезни», никто не мог показываться. Пелльниц рассказывает, как он гостил у епископа Вюрцбургского и все время был пьян; он восхваляет обширные погреба капитула — «арсенал Вакха». Охотно напивались и придворные дамы, пожилые и молодые; дочери старались превзойти матерей. В 1529 г. вышла книжка, превозносившая водку, — последняя постепенно из медицинского средства превращается в средство опьянения. Но еще в XVII в. врачи серьезно обсуждали вопрос о том, полезно ли от времени до времени предаваться пьянству (темы Парижского медицинского факультета в 1643, 1658, 1665 гг.: *An singulis mensibus repetita semel ebrietas salubris? An curandae quartanae conveniat ebrietas?*), и многие из них находили полезным напиваться до-пьяна раз или два в месяц для того, чтобы желудочные силы не уменьшались. Впрочем, в 1748 г. встречаем в Париже книгу: «*Ergo aqua vitae — aqua mortis*» (Пикоте) — «вода жизни (водка) есть вода смерти».²

Среди городского населения в эту эпоху сильно распространяется потребление различных пряностей — перца, мускатного ореха, корицы, гвоздики, — которые прежде составляли редкость. Теперь, с открытием морского пути в Индию, они стали дешевле и доступнее; кроме того, их стали разводить и в других местах, в особенности на Антильских островах. По той же причине гораздо более доступным становится тростни-

¹ Macaulay. History. I, p. 179—181.

² Янжул. В поисках лучшего будущего. 1893. Baer. Der Alkoholismus. 1878. Franklin. Les répas, p. 121—137, 145 и др. Alw. Schulz, p. 181—182, 313, 319, 324—325. Macaulay, p. 156—157. Gruber. Geschichtliches über den Alkoholismus. 1910. Schulze. Gesch. des Weins und der Trinkgelage. 1866.

ковый сахар (свекловичного еще не было). Состоятельные слои населения потребляют теперь и новые колониальные товары: кофе, чай, какао, табак.

Ранее всего, уже в XVI в., распространяется потребление сахара; в высшем обществе «не едят ничего, что не посыпано сахаром»; из сахара выделывают мармелад, конфеты, засахаривают фрукты и пряности всякого рода; подаются сахарные фигуры, изображение птиц и животных, дворцов и кораблей из сахара; сахар кладется в вино, в воду, в мясные и рыбные блюда, прибавляется к яйцам; солью пользуются не чаще, чем сахаром.

С потреблением кофе познакомились в конце XVI и начале XVII в. купцы, посещавшие Турцию и Египет. Они сообщили о том, что арабы и турки пьют напиток, именуемый саова, sahûa или sorha, который продается в тавернах, как в Европе вино, ибо вино пить религия им запрещает. Пьют его не во время обеда, а после него, при чем кофе устраняет меланхолию, укрепляет желудок, в особенности же полезен для тех, кому необходимо ночью бодрствовать, ибо он прогоняет сон. В 1640—1660-х гг. кофе появляется во Франции и Англии, ранее всего, повидимому, в Марселе, куда он был привезен французскими купцами, торговавшими с левантийскими странами; они завели турецкий обычай потребления кофе, к которому приучились на Востоке. В 1670 г. Людовик XIV при приеме посольства султана Магомета IV угощал его кофе и после этого ввел его в употребление при дворе. А затем продажа кофе фунтами распространяется и в Париже, Лондоне, Амстердаме. Из кофе стали выделывать конфеты, ликеры, сиропы разного рода. Врачи первоначально восстали против потребления его, находя, что кофе повсюду, куда он проник, стал «ужасной страстью, тиранической привычкой», от которой люди не могут отказаться даже там, где подвергаются за это преследованиям. Они опасались, как бы это производство Аравии не вытеснило вино вследствие тех качеств, которые ему приписываются, «хотя, говоря правду, ни вкус, ни цвет, ни запах, ни субстанция его не позволяют проводить даже отдаленного сравнения между ним и вином». Другие врачи утверждали, что кофе сокращает жизнь, — Кольбер сжег себе им желудок, ибо был вынужден для ночной работы употреблять кофе; называли принцессу, которая от кофе умерла после тяжких страданий и у которой в желудке нашли после смерти сотню небольших нарывов; фламандского губернатора, у которого кофе вызвал рак на руке, от чего он умер. В Германии, главной потребительнице кофе в XIX в., прежде, еще в половине XVIII в., было много противников кофе, которые утверждали, что предки не знали его и не страдали коликами, ипохондрией и болью в животе. В Париже, — рассказывали они, — семьи вымирают в третьем поколении; чем это вызывается, как не потреблением кофе? Но ведь врачи и торговцы будут протестовать, если больше никто не станет потреблять ни кофе, ни сахару. Ведь если в Вестфалии семья ежегодно тратит 5 тал. на сахар, кофе и чай, то из страны уходит 150 тыс. тал., а на эти деньги можно было бы дать приданое 150 бедным девушкам, — жалуются одна девица Юстусу Мезеру (т. I, § XVIII). Фридрих Великий был противником кофе, ибо сам король был воспитан на супе из пива, следовательно, и другие люди могут довольствоваться им, тем более, что он гораздо здоровее кофе. Такого же мнения держалась Елизавета Орлеанская (урожд. принцесса Пфальцская): кофе она сравнивала с сажой и жжеными фигами, чай — с травой, шоколад для нее слишком сладок и вызывает боль в желудке, — всему она предпочитала кислую капусту и суп из пива. В различных немецких городах кофе был запрещен, и у жителей отбирали кофейную посуду; а долги по продаже кофе объявлялись неподлежащими взысканию. Гонениям подвергался кофе и в Англии; в особенности духовенство восставало

против этого «турецкого напитка». Но это нисколько не помогало — потребление кофе распространялось, тем более, что и среди врачей он вскоре нашел себе сторонников («в интересах страждущего человечества и голландских купцов»), которые утверждали, что для умственной работы потребление его полезно; как доказывал один парижский врач на медицинском факультете в 1718 г., он не создает расстройства к апopleксии, он устраняет опьянение, вызываемое вином. Появились поэмы и кантаты, слагаемые в честь кофе.¹

Сведения о чае в Европу проникли в половине XVI в. Сообщалось о том, что японцы готовят чрезвычайно полезный напиток, который обеспечивает долгую жизнь, из травы, именуемой *chia* или *chaa*. Голландские купцы, побывавшие в Китае, Японии или Сиаме, вскоре встали потреблять этот напиток, а затем нидерландская Ост-индская компания начала вывозить его из Макао в Европу. При этом объявлялось, что чай облегчает пищеварение и дает пьяницам новые силы для возобновления потребления спиртных напитков. Дифирамбы в честь чая, однако, во многих случаях сочинялись по поручению Ост-индской компании с целью расширения сбыта чая. Чай называли божественной травой, амброзией, рекомендовали пить его в количестве 40—50 чашек в сутки, потреблять его возможно больше во всякое время. Одного голландского врача, проживавшего в гамбурге и в большом количестве прописывавшего пациентам потребление чая, — он хотел заменить потребление водки чаем, — также обвиняли в том, что его подкупили купцы, торгующие чаем. В половине XVII в. чай потребляли в Голландии, Лондоне, Лионе, Париже, итальянских городах; но он стоил чрезвычайно дорого, и поэтому только высшие слои населения могли позволять себе эту роскошь. В 1766 г. вывезено было из Китая 17,5 млн. ф. чая, из них 6 млн. англичанами и 4 млн. голландцами.

Шоколад был вывезен в 1528 г. Кортесом из Мексики, где зерна какао служили монетой (вплоть до половины XIX в.). Там шоколад готовился в виде смеси из какао, маиса; перца и других пряностей. Хотя первоначально европейцы называли такой напиток более пригодным для свиней, чем для людей, однако, уже в половине XVI в. он стал распространяться в Испании, затем во Фландрии и Флоренции, а с половины XVII в. и во Франции — кардинал Мазарини и маршал Грамон выписали двух умелых поваров из Италии для приготовления чая, кофе и шоколада. Но уже в Испании последний изменил свой характер: вместо перца в какао стали примешивать ваниль или корицу, мед или сахар. Шоколад не был встречен с такой враждой, как кофе: напротив, его считали полезным медикаментом, в особенности при ревматизме, заболеваниях горла, бессоннице, коликах, холере и дизентерии. Только некоторые врачи сомневались в полезности его, говоря, что шоколад — напиток тяжелый, пригодный лишь для желудка индейцев, что он испортил зубы королеве Христине, что он сжигает кровь. Мадам де Севинье одно время была противницей его и приписывала факт рождения совершенно черного ребенка у одной маркизы и смерть его потреблению шоколада маркизой: ребенка сожгли шоколадом, — откуда иначе могло явиться столько жару в этом маленьком теле? Напротив, духовенство поощряло потребление его, высказавшись в том смысле, что шоколад не нарушает поста, ибо, хотя он и является питательным, но не составляет съестного. Уже в 1661 г. появляется сочинение Dupont: *An salubris usus chocolatae?* В настоящее время — читаем в 1709 г. у Héquet — шоколад считают царем всех напитков, божественным напитком. Вскоре шоколад стал модным напитком, потребляемым повсюду высшими классами общества. Он «по своим достоинствам выше чая китайцев и кофе персов и турок».²

¹ Chanson sur le café. 1711 г. Caffeum. 1715 г. Le café, в Voyage de Parnasse.

² Oexmelin, 1764 г.

Наконец, из Америки был привезен и табак (название от острова Tabago, или Tobago, почему на различных языках — tabac, Tabak, tobacco), впервые уже Колумбом, затем — испанцем Орвиедо; доставленные им семена дали возможность разводить табак, как садовое растение, в Испании. Табак, подобно другим колониальным товарам, применялся первоначально как лекарственное сырье, которому приписывалась специфическая сила. В 1560 г. исследовал его Жан Нико, французский посланник при португальском дворе, и нашел в нем одурманивающее вещество, которое по его имени было названо никотином; он послал семена и листья табака во Францию королеве Екатерине Медичи. Уже в 1600 г. «курили и нюхали в Старом Свете табак на протяжении от Лиссабона до Пекина и от Исландии до мыса Доброй Надежды». Началось с матросов, побывавших в Америке (которые жевали табак); в 1585 г. появились в Англии «*tabakhouses*», и это «вонючее, в поношение господу употребляемое растение» стало распространяться среди населения; сначала его нюхали, затем стали и курить трубками. Духовенство в Англии заявляло, что табак вреден для здоровья, уменьшает умственные способности, вызывает нечистоплотность и отрицательно влияет на общественное настроение. В Германии оно находило, что те, кто «пьют» табак, лишаются вечного блаженства, курят фимиам дьяволу. После заповеди «не прелюбодействуй» прибавляли: «не потребляй табаку». Яков I в Англии написал две брошюры, направленные против табаку, и ими было вызвано избиение народом людей, куривших и нюхавших табак. Дворяне, уличенные в «смертном грехе» куренья, были изгнаны из Лондона, и у них были острижены бороды. В Швейцарии курильщиков выставляли к позорному столбу. В Московском государстве «богомерзкая трава» была проклята патриархом, и по Уложению, 1649 г. за продажу и курение табаку велено резать носы и рвать ноздри и ссылая в дальние города.¹ Но никакие кары не помогали; государству пришлось отказаться от запрещений, наказывая потребителей табаку лишь взиманием с них особого налога и используя таким образом это потребление в фискальных целях.

Уже в XVII в. появился ряд сочинений, посвященных новым напиткам: Colmenero о шоколаде — 1631 г., Dufour о кофе, чае и шоколаде — 1671 и 1685 г., Bléigny о тех же напитках — 1687 г. и др. Особенно стали распространяться новые напитки — чай и кофе, — как и потребление табаку (даже в Норвегии купцы в конце XVII в. уже пили кофе и курили трубку), благодаря появляющимся с половины XVII в. в Англии, Нидерландах, Франции кофейням. Последние были занесены, как и самое потребление кофе, из Турции и Египта: там имелись кофейни, в которых мужчины проводили по несколько часов в день (женщины туда не могли входить). В 1652 г. возникла первая кофейня в Лондоне, и вскоре кофейни стали необходимым учреждением Лондона, которым он особенно отличался от других городов; они стали домом для лондонского жителя, так что люди, искавшие кого-либо, спрашивали не улицу, где он живет, а посещает ли он «греческую кофейню», или «радугу». При этом каждое звание или профессия, каждое религиозное или политическое направление имело свою особую кофейню, где обсуждались различные важные вопросы в области литературы и политики, где выступали ораторы, где можно было узнать все последние новости (при отсутствии газет), получить совет врача, где, наконец, совершались и коммерческие операции. Приезжие удивлялись, как люди, имеющие свои жилища, могли покидать их, чтобы часами проводить время в ужасной, наполненной дымом атмосфере, где сидели, как в тумане, и усиленно курили или нюхали табак. Правительство

¹ Franklin. *Le café, le thé et le chocolat*, p. 1—60, 76 и сл., 109—144, 156—185. Justus Möser. *Patriotische Phantasien*. В. I. 4 Aufl., p. 19, 118—120. Bondois. *Le monopole du chocolat*. (Mémoires et documents, publ. par Hayem. 7-e sér. 1922, p. 177 сл., 180 сл., 189.

первоначально пробовало с этим бороться, находя кофейни опасным явлением, но вынуждено было отказаться от мер, направленных против них. К концу XVII в. их насчитывалось свыше тысячи, кофе продавался с сахаром и без сахара, вместе с ним подавалась и трубка табаку, имелся и шоколад.¹

Парижская полиция вступила в борьбу с кофейнями, открытыми ночью, находя, что они являются сборными местами для воров и других сомнительных людей, тем более, что кофейни освещены фонарями, которыми они отличаются от других домов и которые являются сигналом для людей этого рода (ордонанс 1695 г.). Политическое значение парижских кофеен было меньше, чем лондонских; но литераторы здесь собирались в большом количестве: Руссо здесь писал свои произведения, Вольтер о кофейнях неоднократно упоминает; в 1723 г. их насчитывалось в Париже, по Савари, около 380.²

И в других отношениях мы можем отметить значительные изменения в характере потребления, хотя происходят они лишь постепенно и медленно.

Franklin в одном из томов своей «*Vie privée d'autrefois*» (*Les repas*) устанавливает следующие три основных положения: 1) до XVII в. во всяком случае во Франции все ели руками; 2) употребление вилок среди высшего общества начинается лишь после 1600 г.; 3) среди прочего городского населения употребление вилок становится обычным лишь в течение XVII в. Действительно, из фактов, сообщаемых им в различных томах его сочинения, мы можем усмотреть, что еще в начале XVII в. каждый брал с общего блюда несколько нарезанных кусков руками, а затем руками же разрывал их на части, при чем в XVII в. он клал их на тарелку, ранее же последние заменялись толстыми кусками хлеба, на которые клали мясо и иные сухие продукты. Поэтому рекомендовалось не сморкаться (носовых платков еще не было) той рукой — правой, — которой берут мясо за обедом. Английский путешественник Томас Кориат, выпустивший свое сочинение в 1608 г., сообщает, что «в Италии он нашел обычай, которого нет в других христианских странах»: когда итальянцы разрезают мясо, они пользуются небольшими граблями из железа или стали, иногда из серебра; странно, что итальянцев нельзя заставить есть руками: они исходят как бы из того, что не у всех руки чисты. Вернувшись в Англию, он решил перенять эту неизвестную там привычку и есть при помощи вилок. Но приятели над ним весьма смеялись, и один во время обеда назвал его *furcifer*'ом. Еще в 1651 г. королева Анна Австрийская «не находила ничего предосудительного в том, чтобы класть свои красивые руки в блюдо с рагу», но сто лет спустя это считалось уже недопустимым.³

¹ Macaulay. I, 154, 205, 207—208. Reiss. Journal und Glücks- und Unglücksfälle von Joh. Eb. Zetzner., her. v. Reuss (Beitr. zur Landes- und Volkskunde von Elsass-Lothr. B. 49, p. 33 сл.).

² Franklin. Le café, le thé et le chocolat, p. 43 и сл., 61 и сл., 73—75, 216 и сл., 224 и сл.

³ Цитату из Кориата приводит Beckmann: Beiträge zur Gesch. der Erfindungen, B. V., 1805, при чем он прибавляет (p. 286), что «в наше время вилки за обедом у культурных народов настолько необходимы, что потребление нищи без них внушает нам почти отвращение».

При отсутствии вилок, тем большее значение должны были иметь ножи. Один француз сообщает в 1560 г., что в Италии и Швейцарии каждый за обедом имел свой нож, и точно так же Монтень, 30 лет спустя, рассказывает, что швейцарцы не лезут руками в блюдо, а берут все ножом; напротив, во Франции число ножей до XVII в. обыкновенно не соответствовало числу гостей: имелось всего 2—3 ножа на весь стол, так что во время обеда приходилось занимать их друг у друга.

Не лучше обстояло дело при еде супа и прочих жидких блюд. При Людовике XIV, во время самых торжественных обедов, все ели своими ложками из общей миски, как теперь солдаты из общего котла, ибо обыкновенно тарелок для жидких блюд не было. Только к концу XVII в. — в Швейцарии уже в XVI в. — появляется новый обычай: брать суп только один раз, переливая на свою тарелку, при чем дается совет по окончании одного кушанья вытирать свою ложку, прежде чем опускать ее в другое общее блюдо. Наконец, и стаканов было мало, почему правило приличия требовало, чтобы каждый опорожнил стакан до дна, прежде чем передавать его соседу. Однако, в конце XVIII в. Артур Юнг во время своего путешествия по Франции подметил, что даже среди менее состоятельных слоев населения никто не пользуется стаканом другого, — так это и у плотников, и у кузнецов, и у других.¹

Когда Генрих IV стал французским королем, у него имелась всего дюжина рубах, при чем часть была разорвана, и всего пять носовых платков. Лишь постепенно, в течение XVII в., входит в употребление обычай спать в рубашках, — число их, очевидно, увеличивается. Однако, это касается только более состоятельных слоев населения: Себастиан Мерсье в своих мемуарах, относящихся к концу XVIII в., рассказывает, что в Париже в воскресенье рано утром можно было встретить людей, моющих в Сене свою единственную рубашку или единственный платок, которые они тут же развешивали на палке, ожидая, пока солнце их высушит.

«Чиновники, музыканты, художники, поэты, — продолжает он, — покупают сукно и даже кружева, но белья они не покупают. Они надевают бархатные одежды и прикрепляют кружевные манжеты к грязной рубашке. Таков парижанин. Парикмахер ему нужен ежедневно, но прачка является лишь раз в месяц. Парижанин с доходом менее 10 тысяч ливров обыкновенно не имеет ни постельного белья, ни столового, ни рубах; но зато у него есть часы, зеркала, шелковые чулки, кружева». Этот недостаток в белье, — из его описаний мы все же видим, какое значение придавалось белью в других слоях населения, — он приписывает тому, что прачки разрывают и уничтожают его своими неумелыми способами стирки белья.

Обычно спали голыми, в одной комнате — мужчины и женщины, не только члены семьи, но и гости, не стесняясь раздеваться в присутствии других. С какой стати, — спрашивали, — рубашку, в которой ходят весь день, оставлять на ночь, а не снимать, как прочую одежду? Зачем оставлять на ночь блох и прочих находящихся на ней насекомых? К употреблению носовых платков даже придворные круги относились иногда довольно скептически, спрашивая: «за что дается особая привилегия той

¹ Franklin. Les repas. 1889, p. 35—38, 104—111. Variétés gastronomiques. 1891, p. 62—72. Les soins de toilette, p. 26—27.

грязи, которая выходит из носа? на каком основании ее следует помещать в изящный кусок полотна и бережно прятать в карман вместо того, чтобы ее прямо выбрасывать?». Нижнего белья обычно не носили. У придворных дам во Франции уже с XVI в. появляются панталоны, занесенные, повидимому, с Востока, почему они носились длинные (в отличие от коротких мужских брюк—носили брюки и чулки), и только постепенно стали сокращаться (доходя до колен и выше). Однако, распространялось их ношение, одно время вызываемое кринолинами, очень медленно, и еще в конце XVIII в., как указывает Мерсье в 1783 г., носили их только кокетки и балерины (последние часто были и первыми), почему ношение их считалось для приличных женщин недопустимым («неужели же я, честная девушка, надена их?»); кокетки же носили ради чистоты и чтобы обращать на себя внимание (последним ведь вызвано вообще появление одежды). В *L'art de la lingerie* 1771 г. они еще вовсе не упомянуты. Еще позже появились мужские кальсоны.¹

Из приведенного выше можно усмотреть, что хотя и теперь еще менее важному придавалось большее значение, чем предметам необходимости, но все же тех резких противоположностей, какие мы наблюдали в средневековый период, мы в XVII—XVIII вв. не замечаем. Широко распространяется, напр., употребление кружев. Кружева в равной мере украшают одежды как женщин, так и мужчин. Об этом лучше всего свидетельствуют картины того времени, в особенности изображающие придворную жизнь. От кружевного одеяла младенца во время крестин до разукрашенной кружевами постели богатого покойника они сопровождают человека через всю его жизнь. Фата невесты, сетка для волос у замужних женщин, так же, как и рубашка, манжеты, воротники, даже покрывала для букетов, — все богато отделялось кружевами. Кружевами покрыты одеяния священника, плат для вытирания чаши, покрывало для алтаря. Во Франции в начале XVIII в. определяли потребление кружев в 8 млн. фр. в год. Но в то же время триумф кружев обозначал новое направление в развитии одежды: белье, прежде игравшее незначительную роль, выдвигается на первый план. Рядом с распространением ношения шелковых одежд не только женщинами, но в такой же мере и мужчинами, — платьев, чулок, жилетов и т. д., — рядом с употреблением всевозможных золотых и серебряных украшений, все же появляются на сцену вилки и ложки, с XVI в. широко в городах распространяются оконные стекла, в XVII в. входят в употребление бумажные обои; новые виды комнатного убранства, одежды, изящная мебель, вазы, портреты, ковры, вызываются соображениями удобства и комфорта.² И самые предметы роскоши частью изменяют свой характер: таковы, напр., рядом с потреблением кофе, и часы, и зеркала, которые должны быть отнесены к роскоши полезной.

¹ Franklin. *Les magasins de nouveautés. Le vêtement.* 1894, p. 186 и сл. *La lingerie.* 1898. p. 11—36, 70—71, 161—162. Mercier. *Tableau de Paris.* T. VII. 1783. *L'art de la lingerie.* 1771, Dufour, *Histoire de la prostitution.* T. VI. Havelock Eliis. *Sexualpsychol. Studien.* B. I. 4 A. 1922, p. 49 сл.

² См. Alwin Schulz, p. 128—129, 131—133, 230, 255 и др. Baudrillart. IV, p. 275 и сл., 283 и сл., 420 и сл.

До XVI в. существовали только песочные часы, притом в виде стенных или башенных часов; они производились преимущественно в Нюрнберге. С половины XVI в. появляются и карманные часы, но они составляли чрезвычайную редкость, и на них смотрели исключительно как на предмет особой роскоши, почему они обыкновенно были покрыты драгоценными камнями и их носили на цепочке открыто, чтобы все могли видеть. Современный часовой механизм был изобретен Гюйгенсом, и только с этого времени, т. е. с середины XVII в., часы стали больше распространяться среди высших слоев населения. Лондон, Париж, а после отмены Нантского эдикта — Женева, куда переселились гугеноты из Франции, позже Невшатель и Шварцвальд стали центром производства часов в XVII—XVIII вв. (в Англии карманные часы производятся с 1658 г.).¹

В XVII в. находим во Франции зонтики: в 1622 г. дождевой зонтик составлял парижскую «новость», в 1675 г. зонтик (защищающий от солнца) встречает Локк во время своего путешествия в Париж (Fournier. II, 228).

Зеркала до XVII в. производились только в Мурано, близ Венеции, и техника производства хранилась в строгой тайне. При этом зеркала выделялись выпуклые, почему получалось весьма плохое изображение. С XVI в. появляются и плоские зеркала, но они были еще чрезвычайно редки и дороги. Лишь с конца XVII в., когда секрет производства зеркал был перенесен из Венеции в другие страны, в особенности во Францию, и здесь техника производства была усовершенствована, высшие слои населения стали украшать комнаты зеркалами; устраивались особые помещения, где стены были покрыты зеркалами, к мебели всякого рода прикреплялись зеркала, и «*appartements ornés de glaces*» обозначали квартиру особенно элегантную. Но все же это были еще зеркала небольших размеров; до XIX в. большие зеркала редко удавались, ибо получалось слишком тонкое стекло, которое при самом выдувании или охлаждении его лопалось.²

Вследствие устройства окон из стекла, дневное освещение получило совершенно иной характер, — в комнатах днем было светло; но искусственное освещение было по-прежнему весьма плохое: темно было ночью на улицах, если луна «не принимала на себя обязанности освещать дорогу», — вдвойне печально при отсутствии тротуаров и при наличии нечистот, которыми улицы были покрыты. В Лондоне впервые в конце XVII в. одному лицу выдан был патент на исключительное право освещения улиц; именно, за небольшое вознаграждение он обязан в безлунные ночи от 6 до 12 час. ставить фонарь у каждой десятой двери. Его идея вызвала «восторг у одних, находивших, что открытие Архимеда ничто в сравнении с подвигом человека, превращающего ночь в белый день, и протесты других, защитников тьмы» (Маколей). В других городах освещение появляется не ранее XVIII в., да и то лишь освещаются отдельные части города; только во время пожаров, волнений или когда войска проходили через город, магистрат приказывал освещать город, при чем довольствовались факелами и смоляными лампами. В обыкновенное же время каждый появившийся вечером на улице вооружался факелом или брал с собой мальчика, освещавшего ему дорогу. Но так как пользование этими факелами нередко вызывало пожары, то магистраты запрещали ношение их, и тогда на улицах господствовала полная темнота (как это было, напр., в Киле в 1723 г.), — кареты и возы сталкивались и переворачивались. Городское освещение появилось во многих городах

¹ Franklin. La vie privée d'autrefois. La mesure du temps. 1888. Pflughart. Die Schweizerische Uhrenindustrie, ihre geschichtliche Entwicklung und Organisation. 1908.

² Frémy. Histoire de la manufacture royale des glaces de France aux XVII—XVIII s. 1909, p. 71 и сл., 199—205, 204 и сл. Alwin Schulz, p. 21, 44, 131.

лишь в 1760—1790-х гг. (в Данциге, Вюрцбурге, Мюнстере, Нюрнберге, Оснабрюке), иногда даже только в начале XIX в. (в Эрфурте, Магдебурге); к домам прикреплены были масляные лампы, которые зажигались, однако, только осенью и зимой, и то лишь в те дни, когда в календаре не была показана луна. В некоторых городах оно устроено раньше — в 1720-х — 1740-х гг. (в Киле, Галле, Веймаре, Бреславле), но ламп было мало: в Киле, напр., 141 фонарь на весь город, и это число сохранялось в течение столетия; в Бреславле число их лишь к концу XVIII в. было доведено до 1400. Во французских городах освещение, да и то лишь некоторых улиц, появляется лишь в 60-х и 70-х гг. XVIII в. (в Тулузе, Безансоне, Труа, Бурже, Орлеане и др.), в Марсели в 80-х гг. Не менее темно было в домах на лестницах, на которых безопасно ходить могли только лица, хорошо знакомые с домом. Наконец, и в комнатах имелись лишь коптевшие, дымившие и распространявшие дурной запах масляные лампы, или же — еще чаще — пользовались только сальными свечами, которые приходилось, на что жаловался еще Гёте, каждый раз очищать; для этого существовали специальные ножицы.¹

Источники. Для Англии наиболее важны: Fitzherbert Book of Husbandrie (XVI ст., изд. English Dialect Society. 1882 г.). Coke Complet copyholder 1650. Norden. Surveyor's dialogue. 1607. Blackstone. Consideration on copyhold In the Law tracts. 1771. Defoe. A Tour thro the whole Island of Britain. Chamberleyne. Anglae Notitiae or the present state of England. 1669 и сл. изд. Laurence. A new System of agriculthure. 1726. Marshall. On the appropriation and inclosure of commonable and intermitted landes. 1801.

Франция. Крестьянские наказания 1789 г. по отдельным областям, как, напр.: Hugues для Bas-Limousin (1882 г.), Bellée для Bas-Maine (1881 г. и сл.), Duval для Alençon (1887), в особенности же напечатанные в Révolution Française Arthur Joung Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789 (пер. с английск.), изд. Guillaumin 1860 г.

Бельгия. Shaw. Essai sur les Pays-Bas autrichiens (пер. с англ., 1788). Derival. Le voyageur dans les Pays-Bas autrichiens. 1882. Lichtervelde. Mémoire sur les Fonds ruraux de l'Escaut. 1815- Mann. Mémoire sur les moyens d'augrmenter la population et de perfectionner la culture dans les Pays-Bas autrichiens. 1775.

Германия. Der sächsische Landwirt in seiner Landwirtschaft. 1788—1791. Cranz. Bemerkung etc. (путешествие по Германии для изучения сельского хозяйства. 1801 г.). Heintl. Die Landwirtschaft des oesterreichischen Kaisertums. 1808 м сл.

¹ Gebauer. Breslaus kommunale Wirtschaft, p. 184—185. Horn. Erfurts Stadtverfassung, p. 104. Trautmann. Kiels Ratsverfassung und Ratswirtschaft, p. 237 и сл. Foltz. Gesch. des Danziger Stadthaushalts. 1912, p. 153 (Quellen u. Darstell. Zur Gesch. Westpreussens. B. 8). Allendorf. Das Finanzwesen der Stadt Halle a. S. im 19. Jahrh. (Samml. nationaleoekon. u. stat. Abh., her. v. Conrad. B. 44). 1904, p. 88. Sunder. Das Finanzwesen der Stadt Osnabrück von 1648—1900 (Ibid. B. 47). 1904, p. 75. Hilgert. Finanzen der Stadt Münster. 1910, p. 135. Hertzner. Finanzpolitik. Weimar, p. 69 Meisner. Die Entwicklung des Würzburger Stadthaushalts von 1806 bis 1909. (Wirtsch- u. Verwaltungsstud., her. v. Schanz. B. 42). 1912, p. 18. Bing. Die Entwicklung des Nürnberger Stadthaushalts (Ibid. B. 31). 1908, p. 20. Babeau. La ville. II, 126. Ардашев. Провинц. администр. во Франции, т. II, 284.

Швейцария. Steinmüller. Beschreibung der schweizerischen Alpen- und Landwirtschaft. 1802—1804.

Италия. Sismondi Tableau de l'agriculture toscane. 1801. Bartels. Briefe über Kalabrien und Sizilien. 1787—1792.

II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРАРНЫЙ СТРОЙ

Литература. Общий очерк аграрного строя в различных странах имеется у Séе: *Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe en XVIII et XIX siècle.* 1921 (Франция, Англия, сев.-вост. и юго-вост. Германия, Саксония, Пруссия, Дания, Австрия, — отдельные характеристики каждой).

Германия. Богатая литература имеется в отношении Германии. Однако, трудов общего характера, которые охватывали бы всю Германию (как для предыдущей эпохи Инама Стернегг, Лампрехт, Ковалевский — даже всю Европу), для этого периода не существует. То, что имеется из общих сочинений, заключается в нескольких статьях, где сопоставляются различные местности, на основании отдельных монографий. Таковы статьи: Below. *Der Osten und der Westen Deutschlands* (в *Historische Bibliothek.* В. XI. 1900). Его же. *Die Haupttatsachen der deutschen Agrargeschichte (Probleme der Wirtschaftsgesch.* 1920). Caro. *Probleme der deutschen Agrargeschichte (Viert. für Sozial- und Wirtschaftsgesch.* В. V. 1907). Jordan-Rozwadowski. *Die Bauern des 18 Jahrh. und ihren Herrn im Lichte der neuesten deutschen Forschungen (Jahrh. f. Nationaloek.* 1900. В. XX). Theodor Knapp. *Ueber Leibeigenschaft in Deutschland seit dem Ausgang des Mittelalters (Zeitschr. der Savigny-Stift. f. Rechtsgesch. Germ. Abt.* 1898, В. XIX), а также брошюра Fuchs'a. *Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik.* 1898; различные главы в Lamprecht. *Deutsche Geschichte,* особ. В. VI, р. 384 и сл. В. VII, р. 1777 и сл. В. IX, р. 217 и сл. Сюда же относятся статьи Георга Кнаппа, соединенные в двух книжках: *Georg Knapp. Grundherrschaft und Bittergut.* 1897 (сопоставление аграрного строя северной и южной Силезии, Австрии и Пруссии, северо-западной Германии — по Виттиху — с прочими частями Германии) и *Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit.* 1891 (ст. *Die bäuerliche Leibeigenschaft im Osten* и *Erduntertänigkeit etc.*). Краткий очерк аграрного строя Германии в эту эпоху дает Schröder. *Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte* (в 4 изд. 1902 г. § 67). Наконец, полное, хотя также краткое (и притом устарелое теперь) изложение по всем странам содержит известный труд Sugenheim. *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa.* 1861 (излагается не только освобождение крестьян, но и аграрная история как средневекового, так и последующего периода). XV и XVI вв. изложены в книге Зеворта, переработанной И. В. Лучицким: *История нового времени.*

1885. В противоположность всем указанным сочинениям, рассматривающим почти исключительно аграрный строй, у Goltz. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft*. В. I. 1902, находим сведения о развитии сельского хозяйства в XVIII в. и в особенности сельскохозяйственной литературы этой эпохи. Подробные данные о положении сельского хозяйства имеются в многотомном труде Stadelmann. *Preussens Könige in ihrer Tätigkeit für die Landeskultur*, особенно важен т. II, о деятельности Фридриха Великого.

В противоположность общим работам, преимущественно компилятивного характера, монографии по аграрной истории отдельных местностей Германии за рассматриваемый период представляют собою ряд весьма ценных исследований на основании архивного материала (сведений о сельском хозяйстве в них почти не содержится, мало затрагиваются и вопросы крестьянского землепользования; главную проблему составляют права и обязанности крестьян, сеньориальный строй и аграрные условия). Наиболее важны (капитальные) труды: Georg Кнапп. *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältesten Teilen Preussens*. 1887. (об этом : Schmol- ler. *Der Kampf des preussischen Königtums um die Erhaltung des Bauernstandes*. *Jahrbuch für Gesetzgebung etc.* 1888). Grünberg. *Die Bauernbefreiung und die Auflösung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Böhmen, Mähren, Schlesien*. 1893. (Его же другая книга: *Studien zur oesterreichischen Agrargeschichte*). Grossman. *Ueber die gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg vom 16. bis zum 18. Jahrh.* 1890. Schmollers *Forschungen*. (Об этом: Fuchs. *Zur Geschichte der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg*. *Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XII*. 1891). Wittich. *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland*. 1896 (Ганновер и соседние области). Fuchs. *Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften*. 1888. (Померания и Рюген). Aubin. *Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreussen*. 1910. Кроме того: о положении крестьян в Бранденбурге (после сочинения Гроссмана устарело) Korn. *Geschichte der bäuerlichen Rechtsverhältnisse in der Mark Brandenburg* (*Zeitschr. für Rechtsgesch.* 1873); в Померании: Brünneck. *Die Leibeigenschaft in Pommern* (*Zeitschr. der Savigny Stift. IX*. 1888); о восточной Пруссии: его же. *Die Leibeigenschaft in Ostpreussen*. (Там же. VIII. 1887). Его же. *Die Aufhebung d. Leibeigenschaft durch die Gesetzgeb. Friedrich des Grossen etc.* (Там же. X. XI. 1889. 1890); Силезия: Dessmann. *Geschichte der schlesischen Agrarverfassung*. 1904. Мекленбург; Böhlau. *Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg* (*Zeitschr. für Rechtsgesch.* X. 1872). Шлезвиг-Голштиния: Hanssen. *Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc. in den Herzogtümern Schleswig und Holstein*. 1861; и новейшее весьма интересное исследование. Sering. *Erbrecht und Agrarverfassung in Schleswig-Holstein auf gesch. Grundlage*. 1908. (О нем *Rachfahl. Schleswig-Holstein in der deutsch. Agrargesch. Jahrb. t. Nationaloek.* 1909. XXXVIII). См. также Swart. *Zur friesischen Agrargeschichte*. 1910. Баден: Ludwig. *Der badische Bauer im*

18 Jahrh. 1896. Moericke. Die Agrarpolitik des Markgrafen Karl Friedrich von Baden. 1905. Бавария: Hausmann. Die Grundentlastung in Bayern. 1892. Schmelzte. Der Staatshaushalt in Herzogtum. Bayern im 18. Jahrh. 1900 (в обоих содержится очерк о положении крестьян). Общий очерк о Бадене (по Лудвигу), Гессене (по Виттиху), Баварии и Вюртембергу (по собственным работам) имеется в ст. Theodor Knapp. Die Grundherrschaft im südwestlichen Deutschland vom Ausgang des Mittelalters. Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XXII. 1901 (теперь напечатано и в сборнике его сочинений по аграрной истории). Для других менее крупных территорий и отдельных местностей имеются еще след. работы: Kraaz. Bauerngut und Frohndienste in Anhalt vom 16. — 19. Jahrh. 1898 (Conrad's Sammlung). Danneil. Geschichte des magdeburgischen Bauernstandes (2 тома, доходит до XVII в.). Hesse. Entwicklung der agrar-rechtlichen Verhältnisse im Stifte, späteren Herzogtum Verden. 1900 (Conrad's Sammlung). Haun. Bauer und Gutsherr in Kursachen. 1891 (составлено на основании одного сборника крестьянских повинностей и мирских обычаев XVIII в.). Ehrler. Agrargeschichte der Iohanniterherrschaft Heitersheim. 1900. Meyer. Guts- und Leibeigenthum im Fürstentum Lippe (Jahrb. für Nationaloek. 1896. B. XII). См. также Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. B. II. III. 1901. 1910. О крестьянских восстаниях XVI—XVIII вв. (после крестьянской войны, — о крестьян. войне литер. т. I, отд. II) : Riezler. Der Aufstand der bayer. Bauern im Winter 1633 bis 1634 (Sitzungsber. d. phil.-phil. Klasse der Münch. Akad. 1900). Hansjakob. Die Salpeterer. 1896 (так именовались крестьяне, производившие восстание в Бадене в первой половине XVIII в.). Czerny. Der zweite Bauernaufstand in Oberösterreich 1595—1597. 1890. Friess. Der Aufstand der Bauern in Niederösterreich am Schlusse des 16. Jahrh. 1897. Stieve. Der oberösterreichische Bauernaufstand des J. 1626. B. I—II. 1891. Schiff. Die deutschen Bauernaufstände von 1525 bis 1789 (Hist. Zeitschr. 1924).

Франция. Имеется ряд общих сочинений, касающихся всей Франции и затрагивающих в равной мере как поместную организацию и условия землевладения, так и положение сельского хозяйства. Таковы капитальные труды: Н. И. Кареева. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. 1879 (касается, однако, и более раннего периода); И. В. Лучицкого. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). 1900. Его же. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции. 1912. Его же. Аграрные отношения во Франции накануне революции. (Русское Богатство. 1913. II. III). М. М. Ковалевского. Происхождение современной демократии. Т. I. 1912. Его же. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. 1912 (По поводу новейших сочинений М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого: Н. И. Кареев. Беглые заметки по экономической истории Франции. 1912. Серия вторая. 1915. Его же. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет. 1912). Wolters. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790. 1905

(много нового). Sée. La portée du régime seignorial au XVIII siècle (Révue d'hist. moderne. 1908). Специально вопросу о развитии сельского хозяйства посвящена статья Levasseur'a. Des progrès de l'agriculture française dans la seconde moitié du XVIII siècle (Révue d'écon. polit. 1898) и Labiche. Les sociétés d'agriculture au XVIII siècle. 1908. Sée. L'agriculture en France à la fin de l'ancien régime в сборн. Le régime économique et les classes sociales en France au XVIII s. 1924. См. также Dienne. Histoire du dessèchement des lacs et marais en France avant 1789. 1891. Musset. L'administration des haras et l'élevage du cheval en France au XVIII s. (Rev. d'hist. mod. 1909—1910) и в соч. Ардашева. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. Т. II. 1906 (гл. III, отд. V—IX, XVII, гл. V, отд. X—XI, гл. VI, отд. II—V). По вопросу об арендной плате и ценах на землю: исследование Zolla. Des variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles (Annales de l'école libre des sciences politiques. 1893—1894). D'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires etc. в первом томе (1894) дает, кроме истории цен на хлеб, на землю, арендной платы, и характеристику аграрного развития и сельского хозяйства. Много интересного у Champion. La France d'après les cahiers 1789. 2 éd. 1904. Ону. Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия. Ч. I. 1908. Sagnac. La propriété foncière au XVIII siècle (Révue d'histoire moderne et contemp. 1901). Chérest. Chute de l'ancien régime (есть рус. пер.). Babeau. La vie rurale dans l'ancienne France, 2 éd. 1885 и Le village sous l'ancien régime, 3 éd., рисует общую картину жизни крестьян и общинного управления, но при этом недостаточно разграничивает отдельные эпохи (в особенности XVII—XVIII вв. от предыдущего периода) и придает чрезмерное значение завещаниям крестьян. Из более старых сочинений укажем: Doniol. Histoire des classes rurales en France. 1857. Bonnemère. Histoire des paysans. 4 éd. 1889 (третий том относится к XVII—XVIII вв.). Leymarie. Histoire des paysans en France. 1858. Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France. 1858. Lavergne. Economie rurale de la France depuis 1789. Paris. 1860. Baudrillart. Les populations agricoles de la France (в обоих имеется и XVIII в.). Boiteau. Etat de la France en 1789. 1861. 2 éd. 1889. Moreau de Jonnés. Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. 1868, а также известные труды Taine'a. Les origines de la France contemporaine (2 éd., 1880) и Toqueville. L'ancien régime et la Révolution. См. также сборник: Н. И. Карееву — ученики и товарищи по научной работе. 1914.

Среди сочинений, касающихся отдельных местностей Франции, наиболее ценны: Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution. 1906 (богатство материала, выводы не только для Бретани, но и общего характера). Bernier. Essai sur le Tiers-Etat et les paysans de Basse-Normandie au XVIII siècle. 1892 (интересные картины общего строя жизни крестьян и других групп сельского населения Нормандии). Brutails. Note sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime. 1889 (недурной очерк сельского хозяйства, населения и сеньори-

альных повинностей Руссильона). Galonne. La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France. 2 éd. 1885 (относится преим, к Артуа, Пикардии и Фландрии; интересные сведения). Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Révolution. 1924. Т. I содержит XVIII в. (много нового). Dubreuil. Le paysan breton au XVIII s. (Revue d'hist. écon. et sociale 1924). Raveau. L'agriculture et les classes sociales dans le Haut-Poitou au XVI s. (Там же. 1924). Sée. Les forêts et la question du déboisement en Bretagne à la fin de l'ancien régime. 1924. Dénis. Lectures sur l'histoire de l'agriculture dans le département de Seine-et-Marne. 1881 (сельское хозяйство, отчасти и положение крестьян в центре Франции). Sion. Les paysans de la Normandie Orientale. 1909. Musset. Le Bas-Maine. 1917. Demangeon. La Picardie et les rayons voisines. 1905. Lafarge. L'agriculture en Limousin et l'administration de Turgot. 1902. Dutil. L'état économique du Languedoc à la fin de l'ancien régime. 1911 (касается только сельскохозяйственной культуры; р. 69—277, отчасти и 797—868). Bloch. Etudes sur l'histoire économique de la France (1760—1789). 1900 (изучает в одной из статей этого сборника лишь вопрос о распределении земельной собственности в Орлеане). Rounnel. La ville et la campagne au XVII s. 1922 (относится к Бургундии, много о землевладении). Vermaire. Les classes rurales en Savoie au XVIII s. 1911. Darmstaedter. Die Befreiung der Leibeigenen in Savoyen etc. 1897. Sagnac в двух своих статьях (Rev. d'hist. mod. et contemp. 1901 и Rev. de synth. hist. 1906) знакомит французскую публику с результатами исследования И. В. Лучицкого. Некоторые данные для аграрной истории Франции XVIII в. содержатся также у Jaurès, La Constituante (Histoire Socialiste. Т. I) и Wahl. Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution. В. I, а также Lefebvre. La population française. Т. I. и в сочинениях по истории хлебной торговли: Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789. 1882. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII в. 1892. Letaconpoux. La question des subsistances et du commerce des grains en France au XVIII siècle (Revue d'hist. mod. Т. VIII).

Англия. Юридическое положение крестьянского населения подробно рассматривается в прекрасном труде Савина: Английская деревня в эпоху Тюдоров. 1903. Огораживания и обезземеленье крестьян обстоятельно изучены у Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. 1894. Gay. Zur Geschichte der Einhegungen in England. 1903 и его же Inclosures in England in the sixteenth century. Quart. Journ. of Econom. XVII. 1903. Nasse. Feldgemeinschaft in England etc. (есть рус. пер.). Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. 1906 (подробно рассматривается ход огораживаний XVIII в., есть рус. пер.). Scrutton. Commons and common fields or the history and policy of the laws relating to commons and inclosures in England. 1887 (история как эпохи, предшествующей огораживаниям, так и огораживаний, начиная с XV до пол. XIX в.). Ashley. The Destruction of the village Community (Economic Review. 1891). Tawney. The Agrarian Problem in the Sixteenth

Century. 1912. Hammond. The Village Labourer 1760—1832. 1911. Gonner. Common Land and Inclosure. 1912. Slater. The English Peasantry and the Inclosure of common Fields. 1907. Johnson. The Disappearance of Small Landowner. 1909. Brodrick. English Land and English Landlords. 1881. Новый свет проливает ценное сочинение И. Граната: К вопросу об обезземелении крестьян в Англии. 1908. Этот вопрос затрагивают также: Marx. Das Kapital. B. I. Ashley. Introduction. Cunningham. Growth of English Industry and Commerce in Modern Times. Тойнби. Промышленный переворот в Англии в XVIII в. 1898. Green. Inclosures since. 1760. Econ. Rev. VI. Rae. Why have the Jeomanry perished? (Contempor. Review. 1883). В связи с этим: Levy. Der Untergang kleinbäuerlicher Betriebe in England (Jahrb. f. Nationaloek. 1903) и (против него) Hasbach. Der Untergang des englischen Bauernstandes in neuer Beleuchtung (Arch. f. Sozialwiss. 1907). Peake. The English village, the origin and decay of its community. 1922. Leadham. Domesday of Endosures. Seé. L'évolution du régime agraire en Angleterre depuis le moyen-âge. Revue de synthèse histor. T. 38. 1924. См. также Pollock. Land Laws. Pollock — Maitland. History of English Law. Rogers. Six Cent. Его же. Economic Interpretation of History и т. VII. Hist. of Agriculture (вышло после смерти). Prothero. The Pioneers and Progress of English Farming. 1888; в переработанном виде: English Farming Past and Present. 1912. Faber. Entstehung des Agrarschutzes in England. 1888; Маколей. The History of England, гл. III.

В отношении **Швейцарии** (Савой, Лотарингии): Darmstädter. Die Befreiung der Leibeigenen in Savoyen, der Schweiz und Lothringen. 1897. Claassen. Schweizerische Bauernpolitik im Zeitalter Zwinglis. 1899. Rappard. Le facteur économique dans l'avènement de la démocratie moderne en Suisse. I. L'agriculture à la fin de l'ancien régime. 1912. См. также Dierauer. Gesch. der Schweiz. Eidgenossenschaft. Bögli. Der bernische Bauernkrieg in den J. 1641 u. 1653. 1888. Glättli. Gesch. der Unruhen auf der Landschaft Zürich in den Jahren 1645 u. 1646. 1898. **Испания**: Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens und ihr Verfall. 1886 (глава о сельском хозяйстве). Desdevises du Désert. L'Espagne de l'ancien régime. La richesse et la civilisation. 1904 (p. 1—48; l'agriculture). **Бельгия**: Brants. Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'au XVIII siècle. Mém. de l'acad. royale etc. 1880 (в отношении XVII—XVIII вв. касается почти исключительно развития сельского хозяйства). Des Marez. Le problème de la propriété rurale en Belgique au point de vue historique (23-e Congr. de la Féder. archeol. et hist. 1913). См. также Pirenne. Hist. de Belgique. T. IV. Piot. Le règne de Marie-Thérèse dans les Pays-Bas Autrichiens. Van Houtte. Le théorie de la population et le mouvement en faveur de la petite culture dans les Pays-Bas à la fin de l'ancien régime. (Mélanges Moeller. II. 1914. Его же. Histoire économique de la Belgique à la fin de l'ancien régime. 1920.

Много данных для различных стран содержит Naudé. Getreidehandelspolitik Europäischer Staaten vom XIII bis XVIII Jahrh. 1896 (Acta Borussia, изд. берл. акад.).

Глава I

Оживление в области сельского хозяйства; общий характер аграрных условий

В XVII—XVIII вв. замечается значительное оживление в области сельского хозяйства. Господствовавшие веками системы полеводства признаются неудовлетворительными; обнаруживается желание перейти от трехпольной системы к более интенсивной культуре, как и вообще заменить унаследованные от отцов и дедов принципы хозяйства рациональной организацией его.

Прекращение векового застоя выразилось, прежде всего, в появлении богатой агрономической литературы, оригинальной и переводной, в форме энциклопедий, журналов и монографий, — литературы, трактовавшей о вопросах полеводства и животноводства, об агрономии, агрономической химии и экономии сельского хозяйства; все эти области знания были в те времена тесно связаны и изучались одними и теми же лицами.

Первые агрономические сочинения появляются в Западной Европе уже весьма рано, — в XIII в. в Италии (Petrus de Crescentiis), в XVI в. во Франции (Charles Etidène. *Maison rustique*) и Германии (Heresbach, Coler), не считая переводов римских писателей — Баррона, Колумелы, Палладия — на различные языки. Эти сочинения частью имеют форму разговоров между различными вымышленными лицами по вопросам наилучшего способа ведения хозяйства; частью они составлены в виде сельскохозяйственных календарей и альманахов, заключающих в себе и много суеверий, напр., о влиянии луны на растения и животных; частью, наконец, они представляют собою и систематические сочинения. В Германии создалась целая так наз. *Hausväterliteratur*; т. е. издавались руководства относительно ведения домохозяйства; в них излагаются правила печения хлеба, приготовления пищи, даются медицинские советы, разбираются вопросы этики и религии; но в то же время содержатся принципы сельского хозяйства со ссылками на римских писателей и с историческими вступлениями, начиная от Адама и Евы, как это вообще было принято в книгах того времени. Тот факт, что книги известных авторов перепечатывались в почти неизменном виде разными книгопродавцами и издавались вновь, свидетельствует о том интересе, с которым относилось общество к агрономической литературе.¹

Однако, новых принципов ведения хозяйства напрасно было бы искать в этих сочинениях; дело ограничивается указанием на необходимость различных частичных изменений, — эпоха провозглашения новых идей, ведущих к коренным реформам, эпоха оживления в области сельского хозяйства была впереди.

Одновременно с появлением новой агрономической литературы, в XVIII в. стали возникать и сельскохозяйственные общества во всех странах Европы. Государство же, сочувствуя образованию последних, с своей стороны принимает различные поощрительные меры к развитию сельского хозяйства. Оно выписывает и раздает населению семена новых растений и племенной скот, устраивает сельскохозяйственные

¹ См. Goltz, I, 290 и сл., 305, 316; Acta Borussica. III, p. 15 и сл.

станции и питомники, поощряет разведение тутовых деревьев, создает учреждения сельскохозяйственного кредита, выдает премии за разведение новых культур и применение новых видов удобрений.

Движение исходило из Нидерландов, где уже с XVI в. широко применялась (во Фландрии) культура клевера и репы, и через засеивание кормовыми травами парового поля совершался переход от трехпольной к плодосменной системе. А из Нидерландов оно перешло в Англию. «Голландцы, — говорит Роджерс, — занимались земледелием, обнаруживая при этом терпение и прилежание садовников. Им удалось достигнуть значительных успехов в области разведения как растений, необходимых для человеческого питания, так и тех, которые удовлетворяют изысканному вкусу. Они нас обучали земледелию и садоводству. Они были первым народом, начавшим окружать свои жилища клумбами, палисадниками, красивыми цветниками. Они сажали плодовые деревья, улучшали растения, вводили новые корни и травы, необходимые для людей и животных. Голландцам, — заключает он, — мы должны быть благодарны за то, что в Англии нет более цынги и проказы, что непрерывно следующие одна за другой жатвы заменили систему оставления полей под паром, что найден и усовершенствован плодосменный севооборот, что население Великобритании возросло, количество же рогатого скота и овец увеличилось в десять раз, а по весу и качеству повысилось втрое».

Уже английские агрономы XVII в., — среди них на первом плане натурализовавшийся в Англии голландец Гартлиб, друг Мильтона, и Платтес, также голландец по происхождению, — старались объяснить англичанам, каким образом голландцы стали учителями других народов в области сельского хозяйства. Они пропагандировали новую рациональную систему хозяйства, основанную на переменном севообороте. Эта система должна была заменить собою обычное трехпольное хозяйство (пар, озимь, ярь) введением в севооборот кормовых трав: репы (турнепса), райграса, клевера, посев которых дает возможность устранить непроизводительные паровые поля. В XVIII в. эти новые принципы хозяйства получили дальнейшее развитие благодаря деятельности Петро Тулля, «джентльмена из Беркшира», который уже с 1701 г. стал применять рядовой посев. В 1731 г. он выпустил книгу, ставившую во главе угла плодосменную систему хозяйства, где различные растения возделываются последовательно одно за другим, подготавливая некоторым образом почву одно для другого и устраняя то утомление почвы, которое вызывается слишком однообразной культурой хлебных злаков. Семена, брошенные Туллем — и его предшественниками, попали на благодарную почву: целое поколение лордов-землевладельцев подхватило новое учение и стало применять его в своих поместьях, стараясь таким путем увеличить свои доходы. Едва ли не наиболее известен среди них лорд Тоуншенд, покинувший после своей ссоры с Вальполем в 1730 г. столицу и начавший применять в своем имении в Райнгейме, в графстве Норфолькском, ту новую систему рационального хозяйства, с ко-

торой он успел ознакомиться еще во время своего пребывания в Голландии в качестве английского посланника. Дренаж болотистой почвы, удобрение мергелем, разведение искусственных лугов, введение нового знаменитого «норфолькского» четырехпольного севооборота из турнепса, ячменя, клевера и пшеницы, — все это создало то образцовое норфолькское хозяйство, слава о котором распространилась вскоре далеко за пределами Англии; автора ее, разводившего турнепс, прозвали Turnip-Townshend.¹

Другие лорды (маркиз Рокингем, герцог Бедфордский, лорд Эджмонт, лорд Клер, лорд Галифакс) вскоре последовали его примеру; занятие земледелием стало модой, и всякий считал себя пригодным руководить самостоятельно своим хозяйством, производить опыты и делать нововведения. Писатели этого времени рассказывают, что аристократы беседовали об удобрении и дренаже, о выгодности того или иного севооборота, о разведении рогатого скота и свиней с наименьшим оживлением, чем их отцы об охоте, лошадях и собаках. Интерес к сельскому хозяйству стал распространяться и в других кругах населения: «цех земледельцев, — говорит Артур Юнг, — обнимает в настоящее время все сословия, начиная от герцога и кончая ремесленным подмастерьем». Лондонские жители, проводившие пять дней в неделю в коммерческих делах, занимались остальные два дня сельским хозяйством. Люди, готовившие себя к совершенно иным профессиям, покидали их и посвящали себя этому столь приятному, повидимому, и независимому занятию. Врачи, адвокаты, пасторы, купцы, солдаты, моряки, — все стали в то же время сельскими хозяевами.²

Вскоре новая страсть к занятию земледелием перешла за пределы Англии: зараза сообщилась французам. «Около 1750 г., — говорит Вольтер, — французский народ, пресыщенный стихами, трагедиями, комедиями, операми, романами и еще более размышлениями о морали и о богословских вопросах, стал, наконец, думать о хлебе. Даже виноградники были забыты, говорили лишь о пшенице и ржи. Писали полезные вещи о земледелии, которые читались всеми, за исключением одних... крестьян. Возвращаясь домой из Орéра Comique, устанавливали тот факт, что Франция имеет много хлеба для вывоза».³ Толчок исходил из Англии: подобно тому как англичане старались перенять у голландцев их усовершенствованную сельскохозяйственную культуру, французы, наблюдая то, что происходило по ту сторону Ламанша, не могли удивиться тому, что англичане, благодаря развитию своего сельского хозяйства, достигли возможности покрывать потребность в хлебе собственным производством, тогда как Франция 1715—1755 гг. вынуждена была еще ввозить пшеницы на 200 млн. ливров.⁴

¹ См. Mantoux. Révol. industr, p. 148 и сл.

² Rogers. Chap. XVII.

³ Voltaire. Dictionnaire philosophique. IV.

⁴ Wolters, p. 158, 165—166, 201.

Французские агрономические сочинения начала XVIII в. содержали еще много суеверий, в роде тайны тайн Лаперриера, посредством которой количество хлеба увеличивалось чудесным образом; затем агрономическая литература в течение полувека почти совершенно заглохла. Но, начиная с 1750 г., Францию сразу захлестнула волна выходявших одно за другим и посвященных сельскому хозяйству сочинений, оригинальных и переводных, монографий, словарей, периодических изданий. Ведется «полная пыла и энергии проповедь о необходимости итти по стопам Англии с ее богатой земледельческой культурой».

Началось с издания переводов целого ряда английских писателей, как, напр., Hale'a, экземпляры которого через посредство местных интендантов раздавались крестьянам, в особенности же известного Тулля, книга которого, в переработке Дюгамеля, вышла в 1751 г. В появившемся в том же году первом томе (д'Аламберовской) «Энциклопедии» уже имеется принадлежащая перу Дидро статья «Сельское хозяйство», где трактуется эта совершенно новая наука; в этой статье излагается рядом с господствующими системами земледелия и новая система, предложенная Туллем. Затем французы стали самостоятельно разрабатывать вопросы сельского хозяйства, настаивая на необходимости распашки пустопорожных земель и пастбищ: «такая распашка обозначает расширение территории, увеличение количества подданных, рост доходов страны и усиление ее могущества». В особенности же Патулло своей небольшой, ясно и просто написанной книжкой о плодосменной системе ознакомил широкие слои населения с новым рациональным способом ведения хозяйства. При этом он заходит еще дальше своих учителей, отдавая половину и даже две трети пахотных земель под кормовые травы, — под «искусственные луга», как во Франции стали называть плодосменную культуру. Французы пошли дальше и в другом отношении: они старались привести в связь новую науку сельского хозяйства с химией и физикой и поставить ее на вполне научные основания, изучая питание растений и соотношение между их произрастанием и неорганическими субстанциями почвы.¹

Вторая половина XVIII в. составляет, таким образом, и во Франции эпоху сильного оживления в области сельского хозяйства: накануне революции последним интересовались ничуть не менее, чем политическими и религиозными вопросами. Сельское хозяйство, — читаем в *Journal Economique* 1763 г., — не должно оставаться в руках тех, чей кругозор ограничен и кто, не будучи в состоянии подняться выше повседневных интересов, не может разобраться в том, что правильно и что неправильно. Находили, что на службу сельскому хозяйству должны итти лучшие умы. При этом ссылались на древних, которые и в области сельского хозяйства, по мнению французов того времени, достигли совершенства, знали даже якобы травосеяние. Древние только тех признавали богами, кто их научил пользоваться дарами природы — Цереру, Вакха, Триптолема, — и имена известнейших людей заимствованы от названий растений (Лентул, Фабий, Пизон, Цицерон), культуру которых они усовершенствовали.² По примеру этих древних греков и римлян, во Франции, как и в Англии, крупнейшие люди по-

¹ Wolters, 158—170, 200—210.

² Ibid., p. 170—177.

святили себя новой деятельностью. «Choiseul est agricole et Voltaire est fermier» вошло в поговорку. Пармантье разводит картофель (отсюда название картофеля — *parmantière*), «пататы» и в 1779 г. подносит королю «хлеб, приготовленный исключительно из картофеля», а просвещенные прелаты предписывают сельским священникам проповедывать культуру его с церковных кафедр. Добантон вводит мериновое овцеводство. Он посвящает свою актовую речь в Парижской академии наук в 1784 г. вопросу об улучшении качества шерсти. Академии, объявляя темы на конкурс премий, вместо прежних поэтических, исторических, моральных тем, предлагают такие, как о «Причинах порчи зерна» (Бордоская академия в 1755 г.), «Исследовать, всякая ли земля годна для ежегодного обсеменения» (академия в Аррасе), «О наиболее целесообразных способах распространения культуры искусственных лугов» (Амьенская академия). Учреждается целый ряд сельскохозяйственных обществ — в Ренне, Лиможе, Тулузе, Лионе, Туре, Орлеане и т. д. — повсюду они вырастают, «как грибы после дождя». Лабиш насчитывает свыше 40 таких обществ,¹ в состав которых входили инженеры, писатели, аббаты, епископы. Эти общества рассматривают представленные им ио вопросам земледелия, виноградарства, скотоводства, шелководства и т. д. работы, издают и распространяют брошюры по сельскохозяйственным вопросам, собирают сведения о состоянии сельского хозяйства в других странах, в особенности производят опыты с новыми земледельческими орудиями. Парижское общество издает «*Mémoires d'agriculture*», в которых принимает участие сам Артур Юнг — «оракул английского земледелия».

И в Германии вторая половина XVIII в. составляет эпоху оживления в области сельского хозяйства. Со всех концов Европы Германия, в особенности Пруссия, старается заимствовать новые усовершенствования. «Завоевав мирным путем целую провинцию», — как говорил Фридрих Великий в 1753 г., когда было осушено 225 тыс. моргенов по Одере, где раньше была «пустыня из воды и болота», — прусский король привлек сюда колонистов; поселено было 1200 семейств в 43 новых колониях; 122 тыс. моргенов — в топи по Варте, где раньше гнездились выдры, волки, нередко и медведи — было расчищено и в 1785 г. устроено 95 колоний. Колонисты принесли с собой из Франции, Богемии, Пфальца, Голландии сведения о лучших способах обработки земли и разведения скота, о посеве клевера и табаку, устроили мызы по голландскому образцу, которые назывались «*Holländereien*». Фридрих Великий рекомендовал землевладельцам «английскую» систему хозяйства, под которой понимал посев кормовых трав, и засеянные ими пространства он, по примеру французов, называл «искусственными лугами». Он посылал сыновей арендаторов доменов в Англию для изучения тамошнего хозяйства, они обязаны были ему доставлять подробные отчеты, вызывал и англичан, вводил рекомендуемые в Англии кормовые травы

¹ См. Labiche. Sociétés d'agriculture au XVIII siècle, p. 35—36.

(люцерну, эспарцет, клевер, турнепс). Из Италии он выписывал семена лупина, приказывал разводить на королевских доменах картофель,¹ поощрял разведение испанских мериносовых овец. Еще больший, быть может, памятник он воздвиг себе впервые введенной организацией поземельного кредита («Landschaften»), ибо если и до него «болезнь» в виде задолженности дворянского землевладения была несомненна, то «лекарство» было раньше неизвестно, как писал Юстус Мезер.²

В связи с учреждением, начиная с 1727 г., почти во всех (их было около двадцати) немецких университетах кафедр камеральных наук, в состав которых входило и сельское хозяйство, и в Германии находим во второй половине XVIII в. богатую сельскохозяйственную литературу. Эта литература, основанная на детальном знакомстве с английскими и французскими авторами и на заимствованиях у них, оказала, в лице камералистов, большое влияние на государей, государственных деятелей и землевладельцев.

В отличие от сочинений XVII в., дающих советы о том, как должен поступать прилежный хозяин (см. выше), в этих сочинениях имеется в виду сельскохозяйственное предприятие, и излагаются способы наиболее рационального и доходного ведения его. Назовем хотя бы Пфейффера и Юсти; Цинке, издавшего 16 томов *Leipziger Sammlungen*, своего рода периодическое издание, где почти все написано им самим; Крюница, актора (неоконченной) энциклопедии в 72 томах; Антона, написавшего пятитомную историю сельского хозяйства (доведено до XV в.); после него и вплоть до настоящего времени история сельского хозяйства Германии написана всего два раза — Лангеталем и Гольцем.

Еще большее значение имели сельские хозяева-практики, изучившие земледелие не только в Германии, но и в Англии, Нидерландах, частью и во Франции; среди них особенно известен Иоанн Христиан Шубарт — «благодетель человечества», как называет его Теэр. После удачных опытов с посевом клевера, свекловицы, марены, табаку, он явился убежденным сторонником плодосменной системы хозяйства. Под его влиянием целый ряд высокопоставленных владельцев обширных имений стал вводить у себя усовершенствования; а от императора Иосифа II Шубарт за свои труды по распространению клевера получил звание «рыцаря Священной Римской Империи von dem Klee feide».³ И в Германии среди сельских хозяев обнаружилась «болезненная страсть» расширять пахоти; появились решительные противники паровых полей и общинных выгонов, которые «с сотворения мира не возделывались и поэтому превратились в железо».⁴ И здесь стали интере-

¹ Gartoufle от tartoufle: в Италии его смешивали, вследствие внешнего сходства, с трюфелями — tartuffola.

² Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Tätigkeit für die Landeskultur. В. II, p. 42—55. Goltz. I, p. 474—476.

³ Goltz. I, p. 319—389.

⁴ Иоанн Берген, восставая против существования общинных пастбищ, не допускающих устранения паровых полей, сравнивал их с публичными женщинами, «которыми пользуется всякий в видах наслаждения, но о которых не заботится никто».